

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

ШАРМАНКА

Пьеса в трех актах, шести картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Щоев – заведующий кооперативной системой в далеком районе.

Евсей – его заместитель.

Опорных, Клокотов – кооперативные агенты-заготовители.

Годовалов – представитель пайщиков, лавкомиссия.

Евдокия – выдвиженка.

Первая служащая.

Первый служащий.

Алеша – бродячий культработник с музыкой.

Мюд – девушка-подросток, подруга Алеши по общей работе.

Кузьма – железный человек, аттракцион группы Алеша-Мюд.

Эдуард-Валькирия-Гансен Стерветсен – датский профессор-пищевик, прибывший с целью приобрести «ударную душу» СССР для Западной Европы.

Серена – его дочь, девица.

Говорящая труба на столе Щоева.

Агент из совхоза.

Чуждый человек.

Четыре девушки-осоавиахимовки.

Пожарный.

Милиционер.

Кольцевой почтальон.

Детские лица, глядящие в окно учреждения.

Двое рабочих, разбирающих строение.

Несколько служащих – мужчин и женщин.

Люди из кооперированного населения.

Люди в очереди у парка культуры и отдыха.

Двое или трое прохожих строителей.

Работники прилавка у дверей кооперативов.

АКТ ПЕРВЫЙ. КАРТИНА ПЕРВАЯ

Районная местность. Дорога в даль страны; попутные деревья, которые шевелит редкий ветер; влево – постройка в пустоте горизонта, вправо виден небольшой город – районный центр. Над городом флаги. На краю города стоит большое жилье в виде амбара, над ним флаг, на флаге нарисовано кооперативное рукопожатие, которое можно понять издали.

Ветер и безлюдье. Далекие флаги трепещут. Над землей солнце и огромный летний день. Вначале, кроме ветра, все остальное тихо. Затем слышатся звуки движущегося железа. Неизвестное тяжелое железо движется, судя по звукам, медленно, еле-еле. Девичий голос устало поет негромкую песню. Песня приближается вместе с железом. На сцену выявляется механическая личность – Железный человек, в дальнейшем называемая Кузьмой. Это металлическое заводное устройство в форме низкого, широкого человека, важно вышагивающего вперед и хлопающего все время ртом, как бы совершая дыхание. Кузьму ведет за руку, вращая ее вокруг оси, как руль или регулятор, молодой человек в соломенной шляпе, с лицом странника – Алеша. Вместе с ним появляется Мюд – девушка-подросток. Она держит себя и говорит – доверчиво и ясно: она не знала угнетения. За спиной у Алеши шарманка. Вся группа дает впечатление, что это пешие музыканты, а Кузьма их аттракцион. Кузьма вдруг останавливается и хлопает нижней челюстью, будто хочет пить. Группа стоит среди пустого светлого мира.

Мюд. Алеша, мне на свете стало скучно жить...

Алеша. Ничего, Мюд, скоро будет социализм – тогда все обрадуются.

Мюд. А я?

Алеша. И ты тоже.

Мюд. А если у меня сердце отчего-то заболит?!

Алеша. Ну что же: тогда тебе его вырежут, чтоб оно не мучилось.

Пауза. Мюд напевает без слов. Алеша всматривается в пространство.

Мюд (от напева переходит к песне).

По трудовой, веселой дороге
Идем мы босые, пешком, –
Осталось идти нам немного:
Построен счастливый наш дом...

Алеша, я задумалась – и вышло: у меня сердце заболело оттого, что я оторвалась от масс...

Алеша. Ты живешь ненаучно. От этого у тебя болит всегда что попало. Я тебя, как наступит социализм, так изобрету всю сначала – и ты будешь дитя всего международного пролетариата.

Мюд. Ладно. А то ведь я при капитализме родилась. Два года при нем вся страдала... (Обращается к Кузьме, касается его руками, – Мюд всегда трогает руками тех людей и предметы, с которыми вступает в отношения). Кузьма, скажи мне что-нибудь умное-умное!

Кузьма чавкает человеческой пастью. Алеша переводит какое-то устройство в обшлагах Кузьмы и держит его руку.

Ну, Кузьма же!

Кузьма (деревянным равнодушным голосом, в котором всегда слышится ход внутренних, трущихся шестерен). Оппортушка...

Мюд(прислушивается). А еще что?

Кузьма. Рвачка... Бес-прин-ципщина... Правый-левый элемент... Отсталость... тебя возглавить надо!

Мюд. А еще я кто?

Алеша делает манипуляцию в руке Кузьмы.

Кузьма. Ты классовая прелесть... Ты сугубый росток... Ты ударник бедняцкой радости... Мы уже...

Мюд(быстро). Знаю-знаю: мы уже вступили в фундамент, мы уже обеими ногами (движется и приплясывает), мы вполне и всецело, мы прямо что-то особенное!! Кузьма... Мы прущая масса вперед!.. (Из Кузьмы далее идут холостые неразборчивые звуки).

Мюд(Кузьме). Я люблю тебя, Кузя, ты ведь бедное железо! Ты важный такой, а у самого сломатое сердце и тебя выдумал Алеша! Ведь тебя быть не может, ты – так себе!..

Кузьма молчит и не хлопает ртом. Гудит паровоз вдалеке.

Алеша. Пойдем, Мюд. Уж скоро вечер. На земле настанет тоска, а нам надо есть и ночевать.

Мюд. Алеша, у меня все идеи от голода болят! (Трогает свою грудь).

Алеша (касается Мюд). Где?

Мюд. Там, Алеша, где у меня бывает то хорошо, то нет.

Алеша. Это вредительство природы, Мюд.

Мюд. Она фашистка?

Алеша. А ты думала – кто?

Мюд. Я тоже думала, что она фашистка. Вдруг солнце потухнет! Или дождь – то капает, то нет! Верно ведь? Нам нужна большевицкая природа – как весна была – правда? А это что? (Показывает на местность). Это подкулачница, и больше ничего. В ней планового начала нету.

Кузьма невнятно рычит. Алеша регулирует его, и он умолкает. Кратко, вблизи гудит паровоз.

Алеша. Пускай она посветится еще. (Глядит на местность). Мы ее тоже ликвидируем скоро, как зажиточное привиденье. Мы ведь ее не делали, зачем же она есть?!

Мюд. Поскорей, Алеша, а то ждать скучно.

Слышны шаги людей.

Кузьма(бормочет). Нереагирование на активность...

Мюд. Что он?

Алеша. Это у него остаточные слова застряли. (Регулирует Кузьму на его затылке).

Приходят человека два-три строителей – с сундучками, с пилами, с флагом в руках переднего.

Мюд. Вы кто – ударники или нет?

Один из строителей. Мы, барышня, – они!

Мюд. А мы культработники. Нас колхозная избушка-читальня послала...

Один из строителей. Вы что ж, побирушка, что ли?

Мюд. Алеша, они – идиотизм деревенской жизни!..

Кузьма (рычит что-то, затем). Живите смирно... Сейте кенаф и клещевину...
(Гудит дальше и умолкает; слышится трение внутри механизма).

Один из строителей. Сыграй, малый, и нам что-нибудь – для упоенья.

Алеша. Счас. (Заводит Кузьму сзади).

Мюд. Клади пятак в Кузьму. (Показывает, куда класть – в рот). Это на культработу с единоличными дворами. Вы ведь любите дворы?

Один из строителей кладет пятак Кузьме в рот. Кузьма жевнул челюстью. Алеша берет Кузьму за руку и ставит шарманку на игру. Кузьма заскрежетал неразборчиво. Алеша стал играть на шарманке ветхий мотив. Кузьма запел более внятно.

Мюд(поет вместе с Кузьмой).

Все-мир-но-му про-ле-та-ри-ю,
Власть держащему, –
Слава!
Под-ку-лач-ни-ку, перегибщику, аллилуйщику,
Дву-руш-нику, беспринципщику,
Правому и левому
И вся-кой темной силе –
Веч-ный по-зор!..

Другой строитель(выслушав). Продай нам железного оппортуниста!

Мюд. Кузю-то?! Что ты, он нам самим дорог. А на что?

Другой строитель. А для утех. Бог же в свою бытность завел себе черта. Так и мы – будем себе держать оппортуниста!

Один из строителей(Алексею). На, парень, тебе рубль за выдумку. Поешь, а то голова ослабнет.

Алеша. Не надо, Ты лучше свой расценку понизь на постройке, а я везде почую твой рубль.

Мюд. Мы себе денег не берем – мы любим советскую валюту.

Кузьма. ...Ххады – херои... Живите потихоньку...

Алеша регулирует Кузьму, и тот замолкает.

Алеша. Все время в нем какие-то контровые лозунги бушуют. Не то он заболел, не то сломался!

Мюд(строителям). Ну, вы идите, идите. Нечего вам стоять, когда пятилетка идет!

Один из строителей. Ну и барышня! Кто только ее мамаша была!

Другой строитель(вразумительно). Социальное вещество.

Строители уходят.

Мюд. Пойдем, Алеша. Я хочу чего-нибудь сытного.

Алеша (налаживает Кузьму). Сейчас пойдем... Что ты, жабочка, страдаешь все? Ты привыкни!

Мюд. Ладно. Я ведь люблю, Алеша, привыкать.

Появляется Стерветсен и его дочь Серена, девушка-европейка, с монгольским лицом, на бедре у нее изящный револьвер. Оба они с чемоданами, в дорожных плащах. Прибывшие раскланиваются, здороваются с Алешей и Мюд, а также с Кузьмой; Кузьма медленно подает руку в ответ Серене и Стерветсену. Иностранцы говорят по-русски, степень искажения языка должен определить сам актер.

Стерветсен. Здравствуйте, товарищи активщики...

Серена. Мы хотим быть с вами... Мы любим всю горькую долю!

Мюд. Ты врешь, у нас нету теперь доли. У нас теперь лето, у нас птички поют, у нас строится такое! (К Алексею – другим, мирным тоном). Алеша, она – что?

Алеша. Зажиточная, должно быть.

Кузьма. Хады...

Алеша укрощает Кузьму.

Мюд(к иностранцам). Вы что такое?

Стерветсен. Мы... теперь неимуший дух, который стал раскулачен.

Серена. Мы читали, и нам производили... Папа, информасьон?

Стерветсен. Четкое собеседование, Серен.

Серена. Собеседование, когда говорили: вы буржуазию, и еще раз полклясса и еще крупный клясс четко послали на фик!

Мюд. Она хорошая, Алеша. Мы их на фик, а они с фика, и сама же ясно говорит...

Стерветсен. Я был молод и приезжал давно в Россию существовать. Я жил здесь в девятнадцатом веке на фабрике жамочных пышечек. Теперь я вижу – там город, а тогда здесь находился редкий частичный народ, и я плакал пешком среди него... да, Серен!

Серена. Что, папа? Кто эти люди – батраки авангарда?

Мюд. Ты дурочка-буржуйка: мы поколение – вот кто!

Стерветсен. Они – доброе мероприятие, Серен!

Алеша. А вам что здесь надо среди нашего класса?

Стерветсен. Нам нужна ваша небесная радость земного труда...

Алеша. Какая радость?

Стерветсен. У вас психия ударничества, на всех гражданских лицах находится энтузиазм...

Мюд. А вам-то что за дело?.. Раз мы рады!

Стерветсен. У вас организована государственная тишина и сверху ее стоит... башня надлежащей души...

Мюд. Это надстройка! Не знаешь, как называется – мы вас обогнали!!

Стерветсен. Надстройка! Это дух движения в сердцевине граждан, теплота над ледовитым ландшафтом вашей бедности! Надстройка!!! Мы ее хотим купить в вашем царстве или обменять на нашу грустную, точную науку. У нас в Европе много нижнего вещества, но на башне угас огонь. Ветер шумит прямо в наше скучное сердце – и над ним нет надстройки воодушевления... У нас сердце не ударник, оно... как у вас зовется... оно – тихий летун...

Серена. Папа, ты скажи им, что я...

Кузьма. Рвачка! Сила элемента...

Серена (на Кузьму). Он знает все, как патрон...

Мюд. Кузя-то? Он ведь нам подшефный элемент!

Стерветсен. Где у вас разрешается закупить надстройку? (Показывая на город). Там?.. Мы много дадим валюты! Мы отпустим вам, может быть, алмазный заем, корабли канадского зерна, наши датские сливки, две авиамашины, монгольскую красоту созревших женщин – мы согласны открыть вам наши вечные сейфы... А вы – подарите нам одну надстройку! На что она вам? У вас же есть база, живите пока на фундаменте...

Кузьма (грозно рычит). Хитрость классового врага... Пап-па римский...

Алеша (укрошая Кузьму). Ага. Ты хочешь закрыть у нас поддувало и сифон?! Чтоб мы сразу остыли!

Мюд(шепотом Алеше). Фашисты! Не продавай надстройки!

Алеша. Не буду.

Серена. Папа, нам давали понятие вопроса – у них лежат установки. Купи тогда Европе установку. Надстройку им ведь жалобно дарить!

Стерветсен. Продайте установку! Я вам дам доллары!

Мюд. А у нас есть одна только директивка, и то маленькая.

Серена. Купи, папа, директивку. Надстройку экстремизма ты купишь после вдалеке.

Алеша. Мы директивы за фашистские деньги не продаем.

Мюд(трогает револьвер на бедре Серены). Отдай мне. У нас культурная революция, а ты с пистолетом ходишь. Как не стыдно?

Серена(недоуменно). А вам он сильно нужен?

Мюд. Ну, конечно, У вас ведь нет культурной революции, вы ведь темные, злые, и нам полагаются от вас наганы...

Серена. Возьмите. (Отдает револьвер).

Мюд. Спасибо, девочка. (Целует сразу Серену в щеку). Кто нам сдается, мы тому все прощаем.

Серена. Папа, Совет Юнион очень мил! (Алеше). Сыграйте фокус!

Алеша. Советский механизм не смеет.

Стерветсен и Серена кланяются и уходят.

Мюд. Алеша, а как же они купят идею, когда она внутри всего тела?! Нам ведь больно будет вынимать!

Алеша. Ничего, Мюд. Я им продам... Кузьму. Ведь он – идея. А буржуазия от него помрет.

Мюд. Алеша, мне будет жалко Кузьму...

Кузьма. ...Отсталость... Бойтесь капитализма...

Алеша. Не скучай, Мюд. Мы закажем себе другого, а то Кузьма уже отстал чего-то от масс. (Заводит Кузьму).

Кузьма начинает шагать со скрежетом внутри, бормоча невнятное железными устами. Все трое уходят. За сценой, уже невидимые, они поют песню в несколько слов. Алеша и Мюд петь перестают, а Кузьма, удаляясь, все еще тянет в одиночку чугунным голосом: «Э-ээ-э...».

КАРТИНА ВТОРАЯ

Учреждение – среднее между баней, пивной и бараком. Теснота служащих, чад, шум. Две уборные, две двери в них. Двери уборных открываются и закрываются: разнополые служащие пользуются уборными. Щоев – за громадным столом. На столе рупор-труба, которой он пользуется для разговора со всем городом и кооперативами: город невелик и рупор слышен всюду в окрестностях.

Щоев(всему бушующему в делопроизводстве учреждению). Дайте мне задуматься. Прекратите там доносящиеся до меня запахи желудка.

Двери уборных закрываются. Наступает всеобщая тишина. Щоев задумывается. Желудок его начинает ворчать; ворчание усиливается.

(Тихо). Болит мое тело от продовольственных нужд. (Гладит свой живот). Как задумаюсь, так и живот бурчит. Значит, все стихии тоскуют во мне... (В массу служащих). Евсей!

Евсей (невидимо где). Сейчас, Игнат Никанорович. Сейчас капустку с огурчиком подытожу и к вам явлюсь.

Щоев. Итожь их быстрее, не сходя с мета. А я потом сам поутюжу твои числа. Ответь мне подробно, что мы сегодня непайщикам даем.

Евсей(невидимо). Клей!

Щоев. Достаточно. А завтра?

Евсей. Книгу для чтения после букваря, Игнат Никанорович.

Щоев. А вчера?

Евсей. Мухобойный порошок системы Зверева, по полпачки на лицо.

Щоев. Разумно ли, Евсей, бить порошком мух?

Евсей. А отчего же нет, Игнат Никанорович? Ведь установки на заготовку мух пока не имеется. Утиль тоже насекомых продолжает отвергать.

Щоев. Я не о том горюю – не перебивай ты мне размышления... Я тебя спрашиваю: что птицы-голуби или прочие летучие, что они будут есть, когда ты мух угробишь? Ведь летучее – это тоже пищевой продукт.

Евсей. А летучих в нынешнем году не ожидается, Игнат Никанорович. Их южнорайонные кооперативы вперед нас перехватили и заготовили. Мы весной, Игнат Никанорович, пустое небо ожидаем. Теперь муха звереть без птицы начнет.

Щоев. Ага, ну нехай так. Пусть жрут летучих. Проверь мне через область телеграфом – не крадут ли в районе установок? Десять суток циркуляров нет – ведь это ж жутко, я линии не вижу под собой!

Играет шарманка на дворе учреждения – старый вальс. Учреждение прислушивается. Щоев тоже.

Евсей (все еще невидимый). Не подать ли музыканту монету, Игнат Никанорович? Все-таки культработник человек!

Щоев. Я тебе подам! Давалец какой! У нас финплан не выполняется, а он средства разбазаривает! Ты пойдя у него на дирижабль пожертвование отбери – вот это так!

Евсей показывается, вставая из массы служащих, и уходит вон. Шарманка играет беспрерывно. Переговорная труба на столе Щоева начинает гудеть. Шарманка затихает.

(В трубку). Алла!.. Ты кто? Говори громче, это я – другого нету!

Эти слова, сказанные в трубу, повторяются затем, втрое усиленные, где-то за стенами учреждения, и это от них раздается в окрестных пространствах, пустота которых чувствуется в долготе и скуке многократно отраженных звуков. Разговор по трубе должен происходить этим порядком; особых ремарок, на каждый раз не будет.

Далекий голос (извне учреждения). Грыбки, Игнат Никанорович, червиветь начинают. Дозвольте скушать работникам прилавка – иль выдать массу!

Труба на столе через секунду-две повторяет эти же слова совершенно другим голосом – более глухим, с другим выражением и даже с иным смыслом.

Щоев(в трубу). Какие грибы?

Далекий голос (за сценой). Грибки годовалые, соленые, моченые и сушеные...

Щоев(не в трубу). Евсей!

Служащие. Евсей, Игнат Никанорович, кампанию вышел проводить.

Щоев. Трудитесь молча: я сам вспомнил.

Шарманка играет новый мотив. Входит Евсей с чужой соломенной шляпой в руках, наполненной медными деньгами. Он высыпает деньги на стол Щоева. Шарманка утихает.

Евсей. Двадцать рублей дал. Говорит, после еще принесет. Я, говорит, дирижаблю рад: зря, что раньше не слышал про него, а то бы, говорит, сам выдумал советский воздушный корабль.

Щоев. Он что, энтузиаст всякого строительства, что ли?

Евсей. Да, должно быть, Игнат Никанорович.

Щоев. Член чего-нибудь или нет?

Евсей. Говорит, ничего не член.

Щоев. Как же так? Чудно...

Пауза. Шарманка играет вдалеке, еле слышно.

Сроду не видел энтузиаста! Десять тысяч пайщиков объединяю, а все как животные – только есть хотят день и ночь. Пойди приведи его – для моего наблюдения.

Труба рычит что-то на столе.

(Смотрит в трубу, затем – Евсею). Это ты грибки мучаешь второй год?

Евсей. Это не грибы, Игнат Никанорович, это соя в виде грибов, а я ее замариновать приказал... Чего спешить, Игнат Никанорович, ведь люди все могут поесть, а что толку! Пускай лучше материализму побольше будет, а людей и так хватит.

Щоев(задумчиво). Ты прав на все сто с лишним процентов. (В трубу). Не трожь грибов, чертова саранча: пускай лежат в виде фонда!

Шарманка играет еще дальше.

(Евсейю). Кличь сюда музыку: настроенья хочу.

Евсей уходит.

(Служащим). Дайте мне бумажек подписаться: скучно чего-то сейчас на свете!

Первый служащий (вставая из рядов столов). Тут, Игнат Никанорович, подтверждения и напоминания лежат...

Щоев. Давай что попало.

Первый служащий подносит к столу Щоева папку с бумагами.

(Вынимает из штанов печать с факсимиле, дает печать первому служащему). Колоти!

Первый служащий дует в печать и штемпелюет бумаги.

(Сидит без дел). Надо бы нам спустить директивку какую-нибудь на лавочную периферию.

Первый служащий. Спущу, Игнат Никанорович!

Щоев. Спусти, пожалуйста.

Входит Евсей. За ним – Алеша с шарманкой. Мюд пытается ввести за руку Кузьму, но туловище того не проходит в ужину входа.

Мюд. Алеша, Кузе здесь тесно. Ему тут узкое место.

Алеша. Пускай он наружи остается.

Кузьма (в дверь) ...Не трожь капитализма – старика... Ххады... (Остается вне учреждения).

Щоев. Вы кто?

Алеша. Мы пешие большевики.

Щоев. Куда ж вы идете теперь?

Алеша (глубоко искренне). Мы идем по колхозам и постройкам в социализм!

Щоев. Куда?

Мюд(детски задушевно). В социализм!

Щоев(задумчиво). Далекий прекрасный район.

Мюд. Да вот, далекий. А мы все равно дойдем.

Щоев. Евсей, дай этой девочке конфетку.

Алеша (обнимая Мюд). Не надо – она к сладкому не привыкла.

Мюд. Сам соси конфетку, эгоист-сладкоежка!

Щоев(выходит из-за стола к людям). Дорогие товарищи, трудящиеся, потребители, члены, пешеходы и большевики, я вас всех замечательно люблю!

Евсей (к Мюд). Вам, барышня, с какой начинкой конфеток принести: с вареньем или с вишневым соком?

Мюд. Пусть меня пролетариат угощает, а не ты. У тебя неклассовое лицо.

Щоев. Люблю, Евсей, я это поколение! А ты?

Евсей. Да приходится любить, Игнат Никанорович!

Алеша (не понимая обстановки). А у вас здесь строится социализм?

Щоев. Ну еще бы!

Евсей. Полностью!

Алеша. А можно мы тоже будем строить?.. Все время играть на музыке – это сердце болит.

Мюд(касаясь Алеши). А мне скучно стало жить на свете пешком.

Щоев. А зачем вам строить? Вы весна нашего класса, а весна должна цвести. Играйте на музыке! Как скажешь, Евсей?

Евсей. Да я полагаю, Игнат Никанорович, что мы управимся без малолетних! Пускай уж, когда все будет готово, приходят жировать!

Мюд. А нам охота!

Щоев. А вы можете массы организовать?

Алеша и Мюд несколько времени молчат.

Алеша. Я могу только дирижабль выдумать...

Пауза.

Щоев. Ну вот. А говоришь – тебе охота. Вы лучше оставайтесь в нашей многолапочной системе, как музыкальные силы. Будете утешать руководство... Евсей, у нас там полагаются по штату утешители?

Евсей. Я, Игнат Никанорович, полагаю, что возражений не встречается. Пусть утешают...

Щоев(глубоко размышляя). Отлично. Тогда привлечем, Евсей, этих бредущих, пускай они останются. (Алеше). Сыграй мне что-то нежное!

Алеша берет шарманку, играет грустную народную песенку. Щоев, Евсей, все учреждение в глубокой паузе. Учреждение бездействует. Все задумываются. Алеша переводит регистр, играет другую пьеску.

Мюд(постепенно, незаметно входит в мотив и начинает негромко петь).

В страну далекую
Собрались пешеходы,
Ушли от родины
В неизвестную свободу,
Чужие всем –
Товарищи лишь ветру...
В груди их сердце
Бьется без ответа...

Алеша играет еще некоторое время, после того как Мюд уже умолкла. Щоев, по мере музыки и песни, склоняется на стол и тихо плачет от тоски. Евсей, глядя на Щоева, также искажил лицо в страдании, но слезы у него течь не могут. Учреждение безмолвно плачет.

Пауза.

Щоев. Жалостно как-то, черт ее дери!.. Евсей, давай организуем массы!

Евсей. На них тогда овощей не хватит, Игнат Никанорович.

Щоев. Эх, Евсей, давай верить во что-то!.. (Утирает слезы Алеше). Ты бы вот выдумал, как лучше слезы сушить на плакальщиках, а не дирижабль!

Алеша. Я могу.

Щоев. Зачислить тогда, Евсей, его штатным утешителем масс – согласуй с треугольником – давай заготавливать массы в аппарат.

Евсей. Нужно ль, Игнат Никанорович? Нам и так одну выдвиженку Евдокию отгрузили уже!

Алеша тихо играет на шарманке танцевальный мотив. Мюд слегка движется в танце.

Щоев. А что она делает сейчас?

Евсей. Да ничего, Игнат Никанорович, она женщина! Щоев. Что ж такое, что женщина, – в ней тоже есть что-нибудь неизвестное!

Евсей. В ней молоко есть, Игнат Никанорович!

Щоев. Ага. Пускай тогда по молоку и маслу она играет ведущую роль в аппарате.

Евсей. Пускай, Игнат Никанорович!

Алеша играет несколько громче тот же танец. Учреждение, не поднимаясь с мест, сидя, движется туловищами в такт танцу. Труба на столе Щоева рычит.

Щоев(в трубу). Алла! Это – я!!!

Труба. Птицы, Игнат Никанорович, летят над районом.

Щоев(в трубу). Откуда?

Труба. Неизвестно, Из иностранных держав.

Щоев. Сколько их?

Труба. Три!

Щоев. Лови!

Труба. Сычас.

Шум ветра над учреждением, крики птиц.

Щоев. Евсей, что это, что такое?

Евсей. Это, Игнат Никанорович, новый квартал наступает, по-старому – весна!

Щоев(задумчиво). Весна... Хорошая большевицкая эпоха!

Евсей. Терпимая, Игнат Никанорович.

Мюд. Сейчас весны нету, она уже давно прошла. Сейчас лето наступило – строительный сезон!

Щоев. Как лето?!

Евсей. Да это все равно, Игнат Никанорович. Только ведь погода меняется, а время одинаковое.

Щоев. Ты прав, Евсей...

Петр Опорных входит; в руках у него курица и два голубя.

Опорных. Этта... Как-то ее?! Вот я, стало быть, Игнат Никанорович, заготовил тебе птичку: одну курочку неимущую и еще голубей два!

Мюд. Весной прилетают только странные птицы, а не куры. Все куры – колхозницы.

Алеша (рассматривает птиц в руках Опорных; на ногах курицы ярлычок, а у голубя – бумажная трубка. Читает). «Курица заявляет проклятье расточительству. Ей дают непотребную массу зерна, отчего зерно пропадает или его доедают хищники. А пить ей не дают ни капли. Курица заявляет негодование этой недооценке. Пионеротряд совхоза „Малый Гигант“».

Щоев. Не можем мы таких заготовлять – установки нету. Швыряй ее, Петр, прочь.

Опорных берет курицу за голову и швыряет ее в дверь. Голова курицы остается у него в руках, а туловище исчезает.

Евсей (глядя на куриную голову, на ее моргающие глаза). Теперь курочка уморилась и далее не полетит.

Щоев(Алеше). А египетский голубь что нам сообщает?

Алеша(читает). Написано капиталистическим языком: нам не очень ясно.

Щоев. Тогда бей об земь кулацкую пропаганду!

Мюд. Дайте я его лучше съем с бумажкой.

Щоев. Ешь, девочка, без остатка.

Евсей (к Мюд). Я тебе съем: может быть, это нам египетский пролетариат сводочку о достижениях прислал...

Щоев(задумчиво). Далекий изможденный класс... Опорных, береги голубя, как ты профсоюзную книжку бережешь!

Далекий шум. Все прислушиваются. Шум увеличивается, превращается в гул.

Щоев. Опорных, обследуй! Кто там нарушает...

Гул усиливается и одновременно теряет однообразие звука – слышны как бы отдельные голоса. Труба на столе Щоева гудит.

Опорных. Что там за чума!.. (Уходит).

Маленькая пауза страха.

Евсей (кричит из всего усердия). Игнат Никанорович, это интервенция!

Работа учреждения враз замолкает. Мюд вынимает из своей кофты револьвер. Алеша берет со стола Щоева рычащую трубу, труба отрывается от устройства и продолжает рычать в руках человека. Оба бегут на выход с этими предметами и скрываются. Станный гул усиливается, но делается как бы шире и мягче, подобно потоку воды.

(Ужаснувшись). Говорил я тебе, Игнат Никанорович, что сильна буржуазия-матушка...

Щоев. Ничего, Евсей, может, это буржуазия мелкая... А где же мои массы? (Оглядывает учреждение).

Учреждение пусто; несколько ранее все служащие молча скрываются куда-то. Кузьма разламывает дверной вход и пролезает в учреждение. Садится среди пустоты столов и берет ручку. Щоев и Евсей в страхе следят за ним. Входит Мюд с револьвером в руке.

Мюд. Это гуси-лебеди летят. Дураки!

Гул превращается в голоса тысяч птиц. Слышно, как птичьи лапки касаются железной крыши учреждения: птицы садятся, перекликаясь между собой.

Щоев. Евсей! Кликни мне служебные массы: куда они скрылись? Надо нам что-то налаживать!

Кузьма встает и проходит в уборную, резко захлопывая за собой дверь.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

То же учреждение, что и во второй картине. Трубы на столе Щоева нет. Пусто. Один Щоев. Птицы жалобно кричат вне учреждения: их там бьют и морят чем попало.

Щоев(жуя пищу). Народ нынче прожорлив стал: строит какие-то кирпичные корпуса, огорожи, башни и три раза обедать хочет, а я сиди и угощай каждого! Трудно все-таки быть кооперативной системой! Лучше б я предметом каким-нибудь был или просто потребителем... Что-то у нас идеологической надстройки мало: не то все выдумали уже, не то еще что! Все мне охота наслаждение какое-то иметь!.. (Подбирает крошки от употребленной пищи и высыпает их дополнительно в рот). Евсей!!

Евсей (за учреждением). Сейчас, Игнат Никанорович.

Щоев. Откуда-то эта птица-сволочь еще появилась! Так было покойно и планомерно, весь аппарат взял себе установку на организацию мясных рачьих путин, а тут эта птица мчится – заготовь ее попробуй! Эх, ты, население-население, замучило ты коопсистему!.. Клокотов!!

Клокотов (за стенами учреждения). Иду, Игнат Никанорович.

Входит Клокотов, весь покрытый птичьими перьями.

Щоев. Ну как там?

Клокотов. Да что ж, Игнат Никанорович, конечно это не дело!

Щоев. А что ж это такое?

Клокотов. Весь план срывается, Игнат Никанорович... Мы же взяли установку на организацию рачьих путин – так бы и надо держать. Туловище рака, Игнат Никанорович, лучше любой говядины. А то вчера был рак, сегодня птица летит, завтра зверь выскочит из лесов, а мы, значит, всю систему должны трепать из-за этой стихии?!

Щоев молчит задумчиво.

Так не годится, Игнат Никанорович, и население избалуется! Раз уж мы приучили его к одному сорту пищи – ему и хорошо! А это что такое: из буржуазных царств теперь может вся живность броситься в нашу республику, там ведь кризис – разве ее можно всю съесть?! У нас едоков не хватит!

Щоев. Ну а как раки твои в наших пучинах?

Клокотов. Раки молчат, Игнат Никанорович, рано еще.

Евсей (входит, весь в птичьих перьях). Игнат Никанорович! Птица с документами прибыла. Ты гляди! (Вынимает из кармана несколько картонных кружочков). На каждой номер, на каждой штампель! Она организованная, Игнат Никанорович! Я ее боюсь!

Щоев(задумчиво и медленно). Организованная птица... Четок воздух над нашей землей!

Опорных (входя; весь мокрый, в длинных сапогах). Рыба поперла, Игнат Никанорович!..

Клокотов. Я так и знал!..

Опорных. Рыба по верху прет, а птица подлетает и жрет ее...

Евсей. Это прорыв путины, Игнат Никанорович!

Щоев. А никого там нету... из крупных животных каких-нибудь, кто бы и птицу скушал! Верно ведь?

Клокотов(удовлетворенно). Конечно, Игнат Никанорович! Нам ничего и не надо. По мясу мы раком обойдемся, по маслу – ореховым соком, а по молоку – там мы дикий мед смешаем с муравьиной кислотой, и всё. Наука теперь, говорят, этого достигла.

Евсей. Мы потихоньку, Игнат Никанорович, всех снабдим. У всех будет полный аппетит!

Опорных. Так что же... этта... скажете? Птицу лупить или рыбу ловить?..

Нарастающий шум за сценой – что и во второй картине.

Щоев. Выйди глянь, Евсей!

Евсей исчезает.

Отчего птица-то к нам из буржуазии летит?..

Опорных. Наша страна дюже жирна, Игнат Никанорович. Рожается что попало – и живет!

Щоев. Не бреши. Тогда бы все в тару само лезло.

Опорных. Ау нас человек дурак, Игнат Никанорович. У нас – как-то ее? – у нас тары нету!

Щоев. Человек же это я...

Шум увеличивается. Вбегает Евсей.

Евсей. Еще летит туча целая!..

Щоев. Кто летит?

Евсей. Гуси, воробьи, журавли, а низом – петухи мчатся... Чайки какие-то!

Щоев. Боже мой, боже мой... За что ты оставил меня на этом посту?! Лучше б я перегибщиком бы и жил теперь на покое!

Опорных. Теперь всю рыбу слопают!.. Так как же быть-то, этта, руководящие?! Заготавливать из воды постную пищу иль попам оставить?

Евсей (к Опорных). Петя, не активничай, когда тебя не привлекают!

Щоев. Евсей! Думай ты ради бога что-нибудь определенное! Ты видишь, у меня сердце болит.

Евсей. А я уж все выдумал, Игнат Никанорович.

Щоев. Так доложи мне, возьми установку и делай.

Евсей. В Осоавиахиме артиллерийский кружок, Игнат Никанорович, находится, а в кружке пушка – разрешите, пнуть по птичьему стаду!

Щоев. Ступай пальни!

Евсей и Клокотов уходят. Шум за сценой продолжается и переходит в птичьи крики.

Опорных. Игнат Никанорович! Зачем гнать птицу-то эту мимо? Мы б управились и птицу поймать и рыбу вытащить! Народ – как-то она? – работает охотно.

Щоев. Мало ли что! Пусть летает в другие районы – там тоже есть кому жрать! Что ты за эгоист такой – я прямо удивляюсь тебе?!

Опорных бурчит про себя чего-то.

Ну, ты что там еще! Забыл про мое единоначалие, беспринципщик, дьявол какой!.. Иди, Петя, на свою путину.

Опорных(уходя). Вот, этта, как-то ее... вот он стерва мужичок какой!

Щоев. Устал я чего-то... Трудно мне кормить до гробовой доски такое тяжкое население!..

Шум за сценой несколько рассеивается и слышен тихо. Входят Мюд и Алеша. Оба в птичьих перьях. У Мюд перья даже в волосах.

Мюд(Щоеву). Отчего ты важный такой?

Щоев. Я не важный – я ответственный. А вы что вернулись? Вы видите, на кооперацию животные напали?!

Алеша. Это ничто, товарищ Щоев. Пролетариату пища всегда подходяща. Мы втроем тыщу штук заготовили. Мы...

Щоев. Будет тебе мыкать-то: мы-мы!.. Куда б ты годился, если б я тебя не возглавил?

Мюд. Алеша, а где же тут партия и ударники?.. Мне здесь становится скучно!

Щоев(несколько задумчиво). Скука... Нежное, приличное чувство – в молодости от него трудности роста бывают...

За сценой что-то шипит, точно разгорается громадный огонь.

Алеша(Щоеву). Дядь, давай рационализацию выдумаем, а то у тебя ненаучно как-то все...

Шум за сценой превращается в рев и вдруг сходит на нет.

Щоев(задумчиво). Рационализация... (Трогает Алешу). Может быть, ты гений масс, хотя я, брат, тоже задумчивый человек... (Углубленно). Пускай теперь наука трудится, а человек около нее как на курорте. Приличное дело!.. Мы хоть туловищем отдохнем... Хоть...

За сценой – продолжительный нарастающий рев, как от разгорающегося пламени. Маленькая пауза. Довольно тихий удар пушки. Задняя (считая от зрителя) стена учреждения медленно валится, ветер врывается в учреждение, тысячи птиц взлетают с крыши учреждения. Открывается районный ландшафт: две кооперативные лавки с приказчиками наружу; ворота с надписью «Парк культуры и отдыха», у этих ворот – очередь. Первый в очереди – Кузьма. Все это зрелище вначале застлано дымом. Дым рассеивается. Четыре крупные девушки-осоавиахимовки несут двое носилок в учреждение, проходя через поврежденную стену. На носилках – Евсей и Клокотов. Носилки ставятся на пол перед Щоевым. Евсей и Клокотов привстают и садятся в носилках.

Евсей. Пушка, Игнат Никанорович!..

Щоев. Ну что пушка?.. Ну пушка!

Евсей. Пушка, Игнат Никанорович, цельный час разгоралась, а потом стрельнула...

Щоев. Это хорошо, что стрельнула...

Клокотов. Она в нас стрельнула!

Евсей. Она в них бьет, Игнат Никанорович. У ней на дуле лозунг висит...

Щоев. А вы-то что: убитые или нет?

Евсей. Да нет, Игнат Никанорович, приходится жить еще! Что же поделаешь?

Щоев(на девушек). А девки эти кто?

Евсей. А для них это общественная работа, Игнат Никанорович. Они рады людей таскать.

Кольцевой почтальон (подбегает с сумкой к очереди людей у парка культуры и отдыха и говорит). Граждане, отдайте пакет кооперации – мне каждый шаг ведь дорог, а вы все равно на ногах.

Люди из очереди показывают на Кузьму. Кольцевой почтальон засовывает пакет Кузьме в какую-то прореху и экстренно мчится вдаль. Кузьма начинает шагать на кооперацию. Не теряя порядка очереди, люди также движутся на учреждение, во главе с Кузьмой.

Щоев(осоавиахимовкам). Слушайте меня, девки! Раз вы любите тяжести, то поднимите мне стенку учреждения, а то я все время вижу разные массы и рассеиваюсь!..

Одна из осоавиахимовок. Это можно, гражданин. Ты оттого и начальник, что никому невидим... Ты думаешь, мы дурочки, что ль?!

Вчетвером берут легко бревенчатую стену и ставят на место, загораживая учреждение от районного мира. Сами осоавиахимовки остаются уже вне учреждения.

Мюд. Алеша, здесь что такое – капитализм или второе что-нибудь?

Щоев. Евсей! Организуй, пожалуйста, эту девочку. У меня от нее изжога начинается.

Евсей. Я ее на заметку возьму, Игнат Никанорович.

Щоев. А где же мое учреждение?

Евсей. Оно выходное, Игнат Никанорович!

Щоев(задумчиво). Выходное... Хорошо бы оно не возвращалось. Я бы тогда его враз со снабжения снял и план выполнил! Евсей, давай возьмем курс на безлюдие!

Евсей. Давай, Игнат Никанорович! А как?

Щоев. А я почему знаю – как?! Возьмем курс, и всё!

Алеша. Можно механизм выдумать, товарищ кооператив. Механизмы тоже могут служить.

Щоев. Механизмы... Что же, это отлично: сидит и крутится какое-нибудь научное существо, а я им руковожу. Это мне приятно. Я бы всю республику на механизмы перевел и со снабжения снял. Как, Евсей?

Евсей. Нам было бы легче, Игнат Никанорович.

Клокотов. Нормальный бы темп работы наступил!

Мюд. Птицы летят, рыба плавает, люди кушать чего-то хотят, а они думают... Алеша, я здесь не понимаю!

Щоев. Вот дай я тебя возглавлю, тогда все поймешь!

Опорных (входит, весь мокрый). Так как же... этта, как ее... рыбку-то ловить иль пускай живет...

Щоев. Заготовляй, конечно.

Опорных. Кадушек нету, Игнат Никанорович... А бочары говорят – как-то ее? – ты соли им за прошлый месяц не давал. Дай, говорят, нам соль, а то хлеб насущный не соленый!

Щоев. А ты, Петя, пойд и скажи им, что они оппортунисты.

Опорных. А они мне сказали, что ты оппортунист! Так как же мне быть?

Мюд(ко всем). Это кто? Фашисты?

Опорных. Еще встречные девки говорили мне про ягоду. Она, Игнат Никанорович, говорят, в лесах поперла... все, как-то это говорится, летит, прет, плавает и растет, а у нас тары нету. Я хожу и мучаюсь.

Шум за сценой.

Щоев(Алеше). Где твоя музыка, музыкант! Опять мне чего-то печально от мненья и мечты... Евсей, погляди, кто там шумит и нарушает!

Евсей уходит. Вместе с ним исчезают наружу Алеша и Мюд. Шум людей за сценой увеличивается.

Опорных. Еще, Игнат Никанорович, птичьи стада помету навалили. Целые курганы лежат, а, говорят, это золотое дно. Так как же, заготавливать его иль пускай так?

Шум за сценой утихает.

Щоев. Что тебе помет? Ты ведь самый задний человек в своем классе! Из птичьего помета заграничные химики железо и сливки делают, а ты говоришь – помет! Что ты понимаешь?!

Евсей входит.

Клокотов. Давайте выпишем, Игнат Никанорович, заграничного ученого – у нас масса загадочных вопросов стоит.

Евсей. Конечно, надо выписать. Заграничным особый продукт дают, и одежду они привозят в чемоданах.

Щоев. Правильно, Евсей... Кто там шумел наружи?

Евсей. Массы пайщиков двигались сюда, а я их окоротил.

Щоев. Зря, Евсей. Ты бы выбрал от них представителя, чтоб он уже вечно был один за всех.

Евсей. А я уж его выбрал, Игнат Никанорович, и должность ему дал – он теперь уgomонится.

Щоев. Ты прав, Евсей. Мы всегда с тобой отчего-то правы!

Тихо стучат в дверь.

Да, пожалуйста, будьте любезны – войдите.

Входят датский профессор Эдуард-Валькирия-Гансен Стерветсен и его дочь Серена.

Стерветсен. Здравствуйте, господа русские максимальные люди!

Серена. Мы – научность, которая знает пищу. Здравствуйте!

Щоев. Здравствуйте, господа буржуазные ученые! Мы здесь сидим и всегда рады науке.

Евсей. Мы и науку заготовляем...

Стерветсен. Мы с детства максимально любим кооперативность. В Юнион Рацион Совет кооперативность прелестна – мы хотим учиться всему пищевому и еще товарному... я грустно затрудняюсь... самотеку!

Щоев. Ага, приехали. Теперь наша кооперативность прелестной стала, когда мы вас догнали и перегнали! Евсей, уважай этих чертей!

Серена(отцу). Он говорит – щорт!

Стерветсен(дочери). Потому что, Серен, у них нет бог, остался его товарищ – щорт.

Щоев(торжественно). Товарищи буржуи. Вы попали в самый расцвет реорганизации нашего аппарата. Так вы, во-первых, ступайте, отдохните, опомнитесь, а через десять дней, во-вторых, являйтесь в нашу кооперативность – тогда мы вам покажем! А чемоданчики оставьте здесь – наша земля любую тяжесть выдержит.

Стерветсен. Прелестно. (Кланяется). Идем, Серен, нам надо поскорей опомниться.

Серена. Папа, я так чему-то рада...

Уходят, оставляя чемоданы в учреждении.

Щоев. Евсей! Организуй мне бал! Устрой великую рационализацию, приготовь мощную пищу!

Евсей. Рационализацию-то я сделаю, Игнат Никанорович, ума в массах много, только пищи, боюсь, не хватит.

Щоев(задумчиво). Пищи, говоришь, нет... Ну что ж! Мы организуем вечер испытаний новых форм еды. Мы нарвем любых злаков – мы муку из рыбы сделаем, раков вытащим из воды, птичий помет обратим в химию, суп составим из сала от мертвых костей и квас заварим из дикого меда пополам с муравьиной кислотой... И далее того – мы из лопухов блины такие испечем, что ты их будешь есть с энтузиазмом! Мы всю природу в яство положим, всех накормим дешевым вечным веществом... Эх ты, Евсей, Евсей; еда же – одна социальная условность, и больше нет ничего!..

Треск мотоцикла за учреждением. Входит человек: это агент совхоза.

Агент совхоза. Я из совхоза водно-воздушных мелких животных «Малый Гигант». У нас птицы разбили птичник и сбежали. У нас вода промыла плотины – и рыба бросилась по течению. Вы не замечали этих животных в вашем районе?

Евсей. Нет, товарищ, мы заготавливаем некультурных животных. Мы любим трудности.

Агент совхоза. А я видел сейчас людей в перьях!

Щоев. Люди в перьях? Они врут. Это неверно, товарищ!

Агент совхоза. А?!

АКТ ВТОРОЙ. КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

То же учреждение, но несколько измененное. Оно оборудовано разными механизмами. По мере их пуска в ход зритель понимает их назначение. У задней стены лежат иностранные чемоданы. Чисто. Один длинный стол. Трибуна у стола. На столе ничего нет. В одном углу находится рояль. В другой стороне шарманка; на месте ручки у нее шкивок, от шкива идет вверх ременная передача. Тихо и безлюдно. Во второй, соседней половине учреждения – шум варева. Входят Евсей и Алеша.

Евсей. Ну как у тебя тут – все прилично?

Алеша. Устроено подходяще.

Евсей (оглядывая Алешу). Ты что-то похудел.

Алеша. Мысли из туловища выпустил много, и мне скучно в вашем районе... Евсей, когда же настанут будущие люди – мне надоели, кто живет сейчас. Ты ведь тоже стервец, Евсей!

Евсей. Я-то? Я – стервец. Оттого я и цел. Иначе бы давно погиб, может – и не родился бы. А ты что думал?

Алеша. А как же я тогда жив?

Евсей. Стихийно... Да разве ты живешь? Ты движешься, а не существуешь. Ты зачем стал шарманщиком, летун-дьявол?

Алеша. Социализма хочу поскорей добиться. Рвусь куда-то все время вдаль.

Евсей. Социализм наступит для разумных элементов, а ты пропадешь: ты же – ничто, тебя возглавить надо.

Алеша. Пускай. Я себя все равно не считаю. Но отчего ты весь гад, а важней меня?

Евсей. Я-то? Да это меня массы изгадили: руководишь ведь кой-чем.

Алеша(углубленно). Уж скоро коммунизм, тебя на свете не будет.

Евсей. Меня-то? Что ты? Я боюсь, что света без меня не останется – вот чего!

Шум изготавливающейся пищи раздается сильнее. Входит Щоев. Алеша занимается монтажом наличных механизмов.

Щоев. Доложи, Евсей!

Евсей. Все нормально, Игнат Никанорович! Суп из крапивы готов, щи из кустарника с дубовым салом – париться поставил, механические бутерброды лежат на посту, компот из деляческого сока – на крыше холодится, котлеты из чернозема жарятся. Что касается каши из саранчи и муравьиных яичек, то она прееет, Игнат Никанорович! Все прочее – также мобилизуется на плите, а сладкое из клея и кваса поспело первым.

Щоев. А соус – под каким соусом вы это подадите?

Евсей. Соус, Игнат Никанорович, вещь ложная. Мы даем жидкое подспорье из березового сока!

Щоев. А это... Для ясности перспективы ничего не будет?

Евсей. Уксус, Игнат Никанорович, – уксус с махорочной крошкой и сиреневым кустом!

Щоев. Прелестно, Евсей. Теперь сообщи – как с инвентарем.

Алеша. А я вам всю посуду из дерева надолбил. У вас ложек и чашек нигде нету – вы же не догадались, что кругом леса, а в лесу колхозы с рабочими руками. Тут можно устроить целый деревянный век!

Щоев. Деревянный век... Что ж, это тоже приличная переходная эпоха была!

Шум людей за дверью.

Евсей. Гостевая масса идет, Игнат Никанорович.

Щоев. Не пускай. Дай нам опомниться.

Евсей запирает дверь на засов.

Во чего... А научного буржуя с дочкой ты чем будешь кормить?

Евсей. Тем же, Игнат Никанорович. Он сам мне сказал, что сочувствует великой еде будущего и готов страдать за новую светлую пищу.

Щоев. А я что буду есть?

Евсей. Ты, Игнат Никанорович, совместно со мной будешь. Мы с тобой попробуем паек заграничного ученого – я у него для опыта всю пищу взял.

Щоев. Ты умен, Евсей!

Евсей. Ну еще бы! Надо ж всесторонне...

Гости бушуют за запертой дверью.

Щоев. Пускай едоков, Евсей. Алексей, заводи аккорды.

Алеша пускает шарманку: переводит рычаг – и приводной ремень, шлепая во все время игры сшивкой по шкиву, начинает вертеть шарманочный валик. Шарманка тихо, мелодично играет вальс «На сопках Маньчжурии».

Евсей открывает дверь. Входят: Стерветсен под руку с дочерью и с ящиком, Клокотов, выдвиженка Евдокия, пять девушек-служащих, Петр Опорных под руку с женой, трое служащих мужчин с женами и представитель кооперированного населения Годовалов. Затем – пожарный в полном боевом обмундировании и в каске, который становится у дверей; наконец – милиционер.

Шарманка перестает играть. Стерветсен передает Евсею ящик с продуктами.

Евсей. Слушайте меня, товарищи гости! Разрешите мне вас за что-то поприветствовать! Давайте все обрадуемся сегодня...

Щоев. Останови, Евсей, свое слово! Я еще не высказывался...

Евсей. Да я, Игнат Никанорович, как говорится...

Щоев. Ты всегда поступай не как говорится, а как подразумевается... Слушайте меня, товарищи гости...

Гости сели было, потом все встают, кроме Стерветсена и его дочери, и слушают стоя.

Товарищи здешние и заграничные! Я хочу вам сказать что-то особенное, но отвык от счастья настроенья. Мучает меня тревога за сытость масс... Недоумение тоскует во мне... Ввиду же роста темпов аппетита масс перед нашей коопсистемой встала одна явная необходимость, а именно – преодолеть какую-то

явную недооценку чего-то... Для сего нужно лишь проглотить пищу, а когда она попала в желудок – то пускай она там сама разбирается, пускай скучает или радуется. Нынче же мы должны испытать в глубине своих туловищ силу новой пищи, которую мы заготовили из самотечных природных матерьялов. Да здравствует пятилетка в четыре года.

Аплодисменты всех. Общее «ура». Люди прекращают аплодисменты, опускают руки, но аплодисменты не прекращаются, а усиливаются, превращаются в овацию. Повторяется, еще более громогласно, крик «ура!» металлического тона.

Все гости испуганы. Алеша жмет рукой рукоятку одного деревянного грубого механизма (он виден отчасти зрителю), приводной ремень сверху вращает механизм – он аплодирует и кричит «ура».

Алеша отжимает рукоятку – ремень останавливается, механизм затихает.

Щоев. Евсей!

Евсей. Алексей!

Алеша. Даю питание. (Переводит рычаг).

Грохот неведомого механизма. Затем – тихо. По столу на конвейере – медленно выплывает громадная деревянная чашка, над нею пар, вокруг чашки стоят прислоненные солидные деревянные ложки. Гости берут ложки.

Щоев. Музыку бодрящую, Алеша!

Алеша. Даю ее. Чего играть?

Щоев. Уважь, пожалуйста, заведи что-нибудь задушевное.

Гости едят. Щоев и Евсей сидят на трибуне. Евсей вынимает из ящика, доставленного Стерветсенем, отдельную пищу – колбасу, сыр и пр., – и ест ее со Щоевым на трибуне.

Опорных. Этта... Игнат Никанорович! Это что же, такие щи ты навеки учредил? Иль просто это одна кампания?

Щоев. Ешь, Петя, не будь оппортунистом.

Опорных. Мне что! Я только говорю... как то ее... у нас говядина и капуста есть в республике. Может, лучше б кушать нормальные щи! А то желудок разбушует!

Евсей. Петя! Кушай молча, испытывайся.

Опорных. Да я молчу. Я сейчас думать буду для пробы...

Шарманка замолкает.

Щоев. Алеша! Угоди-ка нам вторичным блюдом. Дай для опыта кашку!

Алеша переводит рычаг. Грохот. Чашка со щами уползает. Грохот прекращается. Выплывает миска с кашей.

Годовалов(встает). Ото всех потребляющих членов, которые уполномочили меня думать за них, и еще...

Евсей. Мучиться за них душой, товарищ Годовалов...

Годовалов. И еще мучиться душой, я выражаю всеобщее гигантское чувство радости, а также энтузиазм...

Алеша включает автомат. Раздается гром аплодисментов. Годовалов садится. Все едят кашу.

Щоев. Ну как она, товарищи?

Серена. Папа! Это – саранча! Они едят вредителей.

Евсей. Верно, барышня. Мы вредителей прячем в себя.

Серена. Тогда вы будете вредным...

Годовалов. Каша приличная, Игнат Никанорович.

Первый служащий. Эти опыты имеют громадное воспитательное значение, товарищ

Щоев. Их надо устраивать каждую декаду.

Первая служащая. Ах, мне ужасно мило здесь. Я в первый раз вижу интервенцию.

Щоев. Эй, дура... Молчи, когда слов не знаешь. Сиди и чувствуй что-нибудь бесславно.

Первая служащая. Но мне чего-то хочется, Игнат Никанорович. Я вся полностью волнуюсь!..

Евсей. Поля!! Ты мамаше шепотом потом все расскажешь, а здесь ты для опыта...

Первая служащая. Ах, Евсей Иванович, мне так нравится наше учреждение... Я так что-то чувствую...

Стерветсен. Ничто не следует оставлять без испытания. Весь мир лишь эксперимент...

Щоев. Тише там глотайте! Дайте нам слушать научное!

Стерветсен. Я говорю: весь мир есть эксперимент божьих сил. Ты согласна, Серен?

Серена. Папа, разве бог тоже профессор? А зачем тогда ты?

Евсей (тихо Щоеву). Игнат Никанорович, это религиозная пропаганда!

Щоев. Пускай, Евсей. Им можно: они ненормальные... Алеша! Давай всю пищу на выбор!

Алеша переводит рычаг. Грохот. По конвейеру уплывает каша. Грохот утихает. Конвейер подает постепенно серию различных кушаний.

Вкушайте, товарищи, эти яства без остатка. У нас всего много – у нас одна шестая всего земного глобуса... Алеша! Организуй бутерброды!..

Алеша включает некий деревянный аппарат; в аппарате заранее заложена коврига хлеба. Аппарат режет хлеб на ломтики и эти ломтики автоматически мажутся каким-то белым веществом; затем готовые бутерброды сошвыриваются лапой аппарата на деревянное блюдо. Блюдо поступает на конвейер.

Стерветсен (разглядывает действие аппарата). Это изумительно, Серен. Это гигиена!

Серена. Папа мне нравится Алеша.

Щоев. Алексей! Сделай заграничной барышне что-нибудь любезное – ты ей нравишься!

Алеша подходит к Серене и целует ее, приподымая все ее тело с места.

Стерветсен. Это дико, Серен!

Серена (оправляясь). Ничего, папа, мне же не больно. Я должна ведь почувствовать Юнион Рашион Совет.

Щоев(Алеше, сурово). Не будь беспринципщиком, Алексей...

Серена(Алеше). Вы любите что-нибудь на свете или один коммунизм?

Алеша. Я люблю больше всего дирижабль. Я все думаю, как он взойдет над всею бедной землей, как заплачут все колхозники вверх лицом и я дам ревущую силу в

моторы, весь в слезах классовой радости. Мы полетим против ветра надо всеми океанами, и мировой капитал сильно загорюет над летящими массами, под громадным туловищем науки и техники!..

Серена. Я вас слушаю... Но мне говорил в Москве ваш одинокий член – вы любите ударников и таких, какие трудятся догнать и перегнать.

Евсей. Он летун, ему лишь бы мчаться куда-нибудь, когда наши родные массы живут пешком...

Алеша (отвечая Серене). Ты не понимаешь, а он (на Евсея) – это как ваши. Он – не класс, он присмиренец.

Серена. Но дирижабль есть и в Европе.

Алеша. Ну и что ж!

Щоев. Там же деляческие дирижабли!

Алеша(Серене). Ты не понимаешь, потому что буржуйка. Ты единоличница!.. Ты думаешь, что у тебя есть душа...

Серена. Да...

Алеша. Нету. А у нас будет дирижабль. Он пойдет над неимущим земным шаром, над Третьим Интернационалом, он спустится, и его потрогают руки всемирного пролетариата...

Щоев(Евсею). А я думал – он дурак.

Евсей. У нас ведь одни прямые, четкие были дураки, Игнат Никанорович. А он дурак наоборот.

Серена(Алеше). Вы действуете на меня как ландшафт, я чувствую грусть... как она у вас говорится... в своей кофте.

Стерветсен вынимает папиросы «Тройка» и закуривает.

Папа, отчего мы с тобой единоличники?

Стерветсен. Серен, ты меня шокируешь!

Опорных (выпивая чашку уксуса). Пью за все державы, где... этта... пролетариат поднимает голову, увидя наш, как его, дирижабль!

Щоев(вставая, торжественно). За дирижабль революции, за всемирных пайщиков и... за все опубликованные в местной прессе лозунги – ура!

Все. Ура!

После возгласа внезапно настает тишина, но второй служащий кричит «ура» одиноким голосом, не замечая тишины.

Щоев(кричащему). Васька, не шокируйся!

Второй служащий враз утихает. Шум за стеной учреждения.

Алеша! Запусти бал!

Годовалов. Дайте хоть компотную воду-то допить...(Пьет компот из черепашки).

Опорных(Стерветсену). Угостите этим – как-то он? – вашим демпингом...

Стерветсен подает ему пачку «Тройки». Опорных берет три папиросы, двумя угощает соседей. Гости наспех доедают пищу, кроме Серены, которая беседует с Алексеем.

Щоев(задумчиво). Бал... Люблю я это веселое междуусобие человечества!

Один из гостей-служащих подходит к окну и открывает его. Врывается шум района и постепенно затихает. Три полудетских лица появляются в окне и смотрят в учреждение. Гость-служащий равнодушно обдаёт те лица дымом, который выходит далее во мрак районной ночи.

Евсей(Стерветсену). Господин буржуазный ученый, может быть, у вас сложилось мнение о наших пищевых образцах – или не сложилось еще?

Стерветсен. Я говорил бы так, что оно складывается... По-вашему, это звучит, как самотек, или я отмечаю недооценку?! Я скучаю без понятия...

Евсей. Ну ничего – ты ведь не марксист, мы тебя научим. Можно посмотреть твою самопишущую систему? Это импорт, что ли?

Стерветсен(подает Евсею самопишущую ручку). Рекомендую – это приличный автомат.

Евсей. Сама пишет?

Стерветсен. Нет, активности она не имеет. Следует вам думать – как называется? – единоличником...

Евсей. Ладно. А я ведь полагал, она сама что-нибудь соображает. А она у тебя оппортуника. Оставь для образца, Алешка ее обгонит.

Девочка (из окна). Дядь, дай кусочек!

Серена(Алеше). Отчего вам скучно на лице?

Алеша. Да все по социализму...

Серена. А это прелесть?

Алеша. Угроблю за вопрос! Иль не видишь?

Серена. Нет, я вижу только вас.

Девочка (из окна). Дядь, дай кусочек!

Другое существо (из населения за окном). Ну, хоть что-нибудь!

Позади всех, за окном, появляется лицо Мюд.

Щоев. Алеша! Давай нам часть неофициальную!..

Алеша переводит некий рычаг – и стол с остатками яств уползает прочь – в боковую прорву учреждения. Гости на ногах.

Голоса за окном. Нам хоть невкусное... Хоть мутного.

Чуждый мусорный голос (взрослого, за окном). Дозвольте жижку жевнуть! Я тоже был член.

Пожарный закрывает окно. Но извне открывается другое, соседнее окно – и те же лица глядят, в том же порядке, точно они не переменили места. Пожарный закрывает и это окно. Открывается опять прежнее окно – и те же лица, в неподвижном порядке.

Щоев. Евсей! Упорядочь население!.. Алеша, давай же нежное...

Алеша переводит приводной ремень на шарманке, и, хлопая сшивкой по шкиву, ремень вращает шарманку; шарманка играет нежную музыку – вальс. Гости начинают двигаться в такт.

Евсей (в окно). Вы что уставились?

Голос девочки (за окном). Нам хочется вкусенького!

Чуждый мусорный голос. Дай, пожалуйста, я чего-нибудь проглочу!

Евсей. На, пей ради бога. (Дает кому-то за окном чашку с уксусом, оставшуюся на трибуне). Здесь ведь научный вечер – тут мучаются из-за вас, братец ты мой.

Человек выпивает за окном уксус и отдает чашку обратно.

Чуждый мусорный голос. Люблю жидкое...

Гости танцуют: Алеша с Сереной, Опорных (большого роста человек) с маленькой своей женой, Стерветсен с выдвинутой Евдокией и т. д. Один Щоев сидит задумчиво на возвышенном месте.

Щоев. Уважаю я это наслаждение масс...

Евсей (приближаясь к Щоеву). Чего-то, Игнат Никанорович, я сейчас всех граждан полюбил!

Щоев. Все животные, Евсей, любят друг друга. Нужно иметь не любовь, а установку... (Более задумчиво). Установка... без нее давно лежал бы каждый навзничь.

Вальс продолжается. Опорных, прижимая к себе жену, бьет через ее голову в угловую урну и не останавливает своего вежливого супружеского танца; жена не замечает этого факта.

Мюд(за окном). Алеша! Возьми нас туда!

Алеша не слышит, танцуя с Сереной, которая уже вся побелела лицом и скорее корчится, чем танцует, Стерветсен вдруг припадает к роялю, побледнев. Евсей хватает урну и почтительно держит ее перед ртом Стерветсена.

За окном стоит Мюд, и рядом с ней появилось лицо Кузьмы, лежащее подбородком на подоконнике.

Других людей никого нет; ясно видна районная ночь.

Стерветсен. Благодарю. Пища не вышла, она усвоилась вглубь.

Евсей. Если даже вас не вырвало, то наше население сроду не заблует...

Первая служащая среди танца начинает извиваться телом, ее челюсти и горло сводятся в судорогах, ее мучит тошнотворное чувство, – она движется почти в припадке, вся трепеща от желудочного страдания. С ее кавалером-служащим совершается то же самое.

Первая служащая. Ах, я так в общем и целом довольна, но я больше не могу... я не в силах... из меня выходит вся душа...

Стерветсен. Продайте ее мне, мадемуазель...

Всех остальных танцующих также сводит рвотная судорога, но танец все же продолжается; одичавшие тела в мучении обнимают друг друга, но напор

желудочного вещества давит им в горло, и танцующие откидываются один от другого. Музыка утихает.

Кузьма (из-за окна запекает).

...Высоко в небе ясном...

Мюд(жалобным голосом продолжает песню из окна).

...Вьется алый стяг...

Серена (еле двигаясь в танце изнемогающим телом, говорит печально Алеше). Ах, мне так грустно в животе!

Алеша. Что у тебя – душа с телом расстаётся?

Серена (судорожно наклоняется и плюет в платок). Рассталась уже!

Музыка замолкла вовсе. Гости расселись по сторонам и корчатся на стульях от желудочных чувств.

Серена сразу после факта с платком меняется, веселеет и танцует одна.

Серена(отцу). Папочка, я теперь хочу фоксик!

Стерветсен садится к роялю и начинает играть медленный пессимистический фокстрот.

(Двигается и поет).

Бедный мой маленький парень,
Далекий, погибший матрос,
Вернись еще раз на прощанье,
Ты слышишь – плачет наш фокс...

(Грустно, Алеше). Где у вас есть большевистская душа?.. Европа ведь скучает без нее и плачет...

Алеша. Буржуазия должна плакать без отдыха. Ей хорошо теперь поплакаться!

Серена. Ах, Алеша, большевизм такой милый, у вас так весело и трудно!.. Обнимите меня с вашим большевистским мужеством...

Алеша (отстраняя Серену). Неинтересно: ты буржуйка...

Опорных. Этта... Как-то она?! Игнат Никанорыч, можно меня вырвет – во мне добавок остался...

Годовалов(умоляюще). Игнат Никанорович, я только один переедок вышвырну изо рта – я пищи перехватил...

Первая служащая. Товарищ Щоев, разрешите мне быть сейчас выходной. Я уже была рада весь вечер!

Щоев. Умолкните! Приучайте себя к выдержке – вы откроете новую эпоху светлой еды. Весь мир развивается благодаря терпежу и мучению. (Задумчиво). Терпеж! Вот причина для движения времени куда-то!

Евсей(гостям). Довольно вам притворяться!..

Кузьма за окном плачет: по железному лицу сочится какая-то влага.

Мюд(из-за окна). Алеша, возьми нас к себе, нам скучно. Здесь природа-фашистка дует в меня, а Кузя плачет.

Алеша(спохватывается). Мюд! (Втаскивает ее в окно, затем Кузьму – Кузьма бурчит).

Гости все поворачиваются лицами к стене; их томит тошнотворность. Кузьма ест остатки пищи с канцелярского инвентаря. Бьют часы на башне в районе.

Серена. Папа, где же у них надстройка?

Стерветсен(Щоеву). Господин шеф! Мы бы весьма желали, вы обрадуете всю пан Европу, если отпустите нам горячий дух из вашей государственной надстройки!

Кузьма уходит в уборную.

Серена. Или хотя продали установку... Папа, она дешевле!

Щоев(задумчиво). Наш дух энтузиазма хотите себе заготовить?!

Евсей(Щоеву). Отпускайте его, Игнат Никанорович, без нормы. Нам тара нужна, а не дух.

Щоев. Что ж! Установок на энтузиазм у нас много, почти что затоваривание получилось...

Слышно, как Кузьма рыгает в уборной чугунным звуком и гости – после Кузьмы – одновременно делают то же самое.

Щоев(обращает внимание на гостей). Ступайте прочь спать: завтра служебный день.

Гости исчезают. Остаются: Щоев, Евсей, Стерветсен, Серена, Мюд, Алеша, пожарный, милиционер.

(Продолжает). Что ж, установочки идеологические наши мы можем вам отгрузить, но только за валюту!

Взрыв коллективной тошноты за сценой.

Евсей. Налопались, уроды!.. Брешут – привыкнул!

Милиционер и пожарный(улыбаясь). У них выдержки нет!

КАРТИНА ПЯТАЯ

Сцена в прежнем оборудовании. На лавке спит Мюд, обняв Кузьму. Евсей дремлет на стуле. На конторке спит Серена, Щоев, Алеша и Стерветсен бодрствуют за столом. В открытое окно видны звезды над районом.

Щоев. Дешево даете, господин буржуазный ученый. Будь бы это продукт не скоропортящийся иль заготовительная цена его была подходящая, а то ведь – нет! Ты знаешь, где у нас установки хранятся?

Стерветсен. Не имею такого факта, товарищ шеф.

Щоев. А раз не имеешь понятия, то и не торгуйся... Что тебе – в амбаре, что ли, иль в буртах мы надстройки сваливаем?! Что тебе – нанял сторожа, что ль, по первому разряду тарифной сетки, плати ему двадцать четыре, купи валенки на зиму – и всё!? Ишь ты какой, интервент, дьявол!..

Кузьма (во сне). Пап-па римский... Ххады...

Щоев. Ты прав, Кузьма, на все сто с лишним. Ты, господин агент буржуазии...

Стерветсен. Я не агент, я культурная личность Европы.

Щоев. Это все едино, личности у вас нет, раз ты в нашу периферию приехал. Личность теперь я... А ты считай дальше – во сколько нам обходятся одни складочные расходы на каждую идею! Считай: складываем мы ее в миллионы выдержанных личностей, каждую личность надо, не говоря уж кормить, – надо ее страховать, беречь от разложения, прорабатывать, чтоб в ней воздух не сперся, и установка не протухла, – это ж нежнейший товар, господин научный, а не грыб!

Евсей (со сна). А с грыбом, Игнат Никанорович, иль мало было хлопот?!

Щоев. Далее посчитай постройку каждой установки!..

Стерветсен. Разве ваша душа делается как промышленность?..

Щоев. Надстройка же она, дурак! Надстройка над отношением вещества!! Конечно, она у нас делается! В нашем райпотребсоюзе одну идеологическую резолюцию три года прорабатывали: сорок тысяч пайщиков были привлечены на ногах для выяснения принципиальной установки. Четырнадцать массовых кампаний было проведено! Тридцать семь человек старших инструкторов были брошены в гущу нашего членства на полтора года! Двести четырнадцать заседаний с числом присутствующих душ-едоков в семь тысяч штук! Да плюс сюда еще общие собрания, где скоплялись в итоге миллионы!.. Вот во что обходится нам строительство одной только установки! А ты хочешь всю надстройку купить!! У тебя всей Европы на один ее транспорт не хватит! А тара у тебя где? У вас же нет подходящей международной личности...

Кузьма. Пап-па римский...

Щоев. Он, Кузьма, не годится. Это жалкий оппортунист-схематик. (Задумчиво). Схематик! Гнусный упрощенец линии Иисуса Христа, и больше нет ничего.

Алеша. Товарищ Щоев, давай я им свезу. У меня внутри много революционности лежит! Я чую все вперед будущего, я весь томлюсь от скуки заграничного капитализма!

Стерветсен. Я не понимаю... Я кормлюсь пищей, но живу душой. У нас на Западе тихо стало в сердце, а у вас она... ударник в радость и в грудь. Бедная интеллигенция желает вашу душу. Мы просим подешевле, у нас кризис и так грустно в уме...

Щоев. Сочувствую. Но что ж с тобой делать, когда ты нищий?! У нас ведь контроль рублем, братец ты мой!

Кузьма. С капитализмом нужно соглашение...

Алеша. Лежи, Кузьма, лучше молча, раз я тебя устроил.

Мюд(со сна). Не буди меня, Кузя. У меня виден сон.

Щоев. Знаю, Кузьма, что нужно. Неохота, да приходится. Он, интервент, черт, никак ведь не понимает, что у нас идет строительство сознательных гигантов – резолюций. А хочет купить их за ничто. Нам весь Кузбасс дешевле и скорее обойдется, чем проработка нашего устава!.. Евсей!

Евсей (со сна). Э?

Щоев. Во сколько нам обошлось строительство нашего районного устава?

Евсей. Сейчас, Игнат Никанорович! Э-э, по исполнительной смете номер сорок восемь дробь одиннадцать – сорок тысяч с копейками, не считая затраты на живую силу собраний...

Щоев(Стерветсену). Ну вот видишь! А ты хочешь установку купить! Купи лучше директивку – по дешевке отгружу...

Стерветсен. А можно? Там есть ваш энтузиазм?

Щоев. Браком не торгуем! Ваша товарная буржуазия на нас не жалуется.

Стерветсен. А сколько вам нужно средств?

Щоев. Евсей!

Евсей (в дремоте). Э?

Щоев. За сколько мы с тобой сумеем директивку отпустить – со всеми нашими наценками?

Евсей. По тридцать семь рублей за штуку, Игнат Никанорович! Стоимость костюма среднего интеллигентного покроя...

Стерветсен. Костюмы у меня есть!..

Евсей. Давай!

Алеша(Евсею). С него не бери. Лучше я тебе свои штаны с рубашкой отдам!

Евсей. Сиди в своих портках. Твой материал не валютный.

Алеша. Я вас побью вручную, чертей!.. Товарищ хочет в нашу идею окунуться, а вы...

Евсей. А мы его раздеваем, чтоб он окунулся и обмылся!

Щоев. Алеша! Успокой свою психологию, здесь не частное заведение.

Стерветсен. Серен!

Серена. Ие?

Стерветсен. Где наш гардероб?

Серена. Сейчас, папа! (Поднимается и идет в угол, где два чемодана).

Евсей оперирует в чемоданах вместе с ней.

Алеша(Щоеву). Вы не идею, вы бюрократизм за деньги продаете – я партии скажу!

Щоев. Ты прав на все проценты. Пускай бюрократизм в буржуазию идет – пускай она почешется. (Задумчиво). Бюрократизм... Двинем его на капитализм – и фашистам конец. А то они нашего деревянного леса испугались, упрощенцы, черти! Пусть бы радовались, что мы им живую древесину отпускаем, а то надеемся из дерева бумагу, а из бумаги оформим душу – и пустим к ним ее: пускай тогда плачут...

Евсей тем временем сбросил с себя штаны и ватную куртку и переоделся в заграничный костюм.

Евсей (берет папку с бумагами, дает одну бумажку Стерветсену, открывает место в папке). Распишитесь в получении.

Стерветсен(расписывается и берет бумагу, потом читает). «Циркулярно. О принципах самовозбуждения энтузиазма». Это мы любим. Отпустите еще нам вашего настроения.

Евсей. Можно, Игнат Никанорович, там кофта для твоей бабы есть...

Щоев. Возьми Евсей. Баба тоже существо.

Евсей вынимает из чемодана цветную кофту, швыряет ее на стол Щоева. Стерветсен снова расписывается и получает бумагу.

Стерветсен(читает). «Частичные примечания к уставу о культработе». Очень рад!

Щоев. Ну вот. Учись, чувствуй и станешь приличным классовым человеком.

Стерветсен. Спасибо.

Кузьма (привстав, вынимает изнутри себя бумажку, что дал ему кольцевой почтальон, и подает ее Стерветсену). На!

Стерветсен(беря документ). Благодарю вас...

Кузьма. Дай, ххад...

Стерветсен. Пожалуйста, прощу вас. (Подносит Кузьме открытый маленький чемодан).

Кузьма берет цветную жилетку, брюки и успокаивается.

Алеша(Щоеву). Отчего, товарищ Щоев, я гляжу на тебя, на всех почти людей, и у меня сердце болит?!

Щоев. Невыдержанное еще, вот и болит!

Кузьма. Покоя нету... Эклектики...

Щоев. Вот именно, Кузьма, что покоя нету... Я ночей не сплю, а мне говорят – у тебя темпов мало. Я нежности из надстройки хочу, а мне сообщают – радуйся сам по себе... Я скучаю, Кузьма!

Кузьма. В будущее рвутся... Х-хады...

Мюд шевелится и открывает глаза.

Щоев. Рвутся, Кузьма!.. О господи, господи, хоть бы ты был, что ли!

Евсей (роется в чемоданах). Тут еще есть добро, Игнат Никанорович! Может установочку продадим на валютный товар?..

Щоев. Продадим, Евсей... Мы ведь и без установки простоим. А свалимся, так будем лежа жить... Эх, хорошо бы лежа теперь пожить.

Алеша. Продавайте уж сразу всю надстройку! Нам не жалко – у нас вырастет душа из остатков!

Щоев. Ты прав, Алексей. А где ее взять – надстройку, чтобы по накладной одно место поучилось?

Алеша. Она вся в тебе целиком, товарищ Щоев! Ты же самый четкий человек в районе!.. А у нас надстройки нету – мы нижняя масса, ты сам говорил!

Щоев. Да, пожалуй, что!.. Я ведь все время чувствую что-то величайшее, только говорю не то.

Стерветсен. Нам и нужно ваше чувство!

Мюд. Алеша, продай Щоева, он сволочь социализма.

Алеша(тихо). Я давно все чую, Мюд. Лежи пока во сне.

Щоев. А то и правда, Евсей, – продать свою душу ради Эсесер?! Эх, погублю я себя для социализма – пускай он доволен будет, пускай меня малолетние помнят!.. Эх, Евсей, охота мне погибнуть – заплачет надо мною тогда весь международный пролетариат!.. Печальная музыка раздастся во всей Европе и в прочем мире... Съест ведь стерва-буржуазия душу пролетария за валюту!

Евсей. Съест, Игнат Никанорович, и энтузиазм украдет. А весь Эсесер останется без тебя круглой сиротой, и что нам тогда делать, кто нас возглавит без тебя!.. (Искажает лицо для плача, но слезы у него течь не могут, и он надевает в тоске пенсне из кармана заграничного костюма, в который уже оделся, из чемодана Стерветсена).

Щоев. Да, пожалуй, что ты прав, Евсей!.. Обдумай это и доложи впоследствии...

Алеша. Нечего обдумывать. Торгуйся подороже с буржуазией за все свое туловище, в котором дрожит твоя идеологическая душа!.. Или ты республику разлюбил, сволочь?!

Стерветсен(Щоеву). Ну, пожалуйста, я прошу... Если бы вы надстройка... психея радости..., то я прошу воодушевить Европу всем сердцем вашей культуры. Едемте в наш свет!

Щоев. Возглавить вас, что ль?

Стерветсен. Вы сообщаете верно. Нам нужно ваше полное мероприятие культуры.

Серена испуганно, неразборчиво бормочет во сне по-французски.

Щоев. Пугается барышня чего-то!

Евсей. Установки нету, вот и боится. Классовое сознание разлагается...

Алеша. Поезжай, товарищ Щоев! Проси миллион!

Щоев. Я несколько дороже этой суммы. Как, Евсей?

Евсей. Я озадачился и все обдумал: Игнат Никанорыч, как наша возглавляющая надстройка, должен остаться в Эсесере, потому что Эсесер дороже всей прочей гнусной суши...

Щоев. Ты прав, Евсей!!

Алеша. Ехайте оба на другой свет – вы нам дешевле всех...

Евсей. Обожди, Алеша, перегибать... Я полагаю, что мы быстро найдем подходящую идейную личность среди наших пайщиков. Пусть она поедет в фашизм и даст ему надлежащее настроенье. Нам это пустяки – им хочется одного духа, а он – ничто. Нам его девать некуда – нам нужен один материализм!

Щоев. Опорных, что ль, отпустить?

Евсей. Петьку-то? Он дурак, он нам самим дорог...

Щоев. Ну, Годовалова.

Евсей. Невыдержанный человек. Все время рад чему-то.

Щоев. Может – бабу?

Евсей. Цену снизят, Игнат Никанорович.

Серена (во сне). Ах, папа, папа, я так люблю советского Алешу и не могу проснуться от нашей грусти.

Стерветсен. Спи, наша девочка!

Серена. Но папа, это бывает так же редко, как жизнь, – один раз.

Евсей. Ну, нашла себе дура установку!

Щоев. Ну кого же с духовным грузом-то послать?

Кузьма. Тихий разумный элемент...

Щоев(на Кузьму). Он мыслит, почти как я. Пошлем тихий разумный элемент.

Евсей. Ложитесь пока отдыхать, Игнат Никанорыч. А завтра мы соберем пайщиков и назначим торги на лучшую идеологичность. И пошлем какой-нибудь некий элемент!

Щоев. Ты умен, Евсей! До свиданья, господин буржуазный ученый. Прощай, Кузьма!

Кузьма. Спи, актив!..

Щоев. Кузьма, ты живой, что ли?

Кузьма. Да. Почти что... как ты...

Мюд. Алеша, я вижу во сне одних буржуев и подкулачников. Только мы с тобой – нет!

Алеша. Бей их, Мюд, и во сне!.. Где они?!

Евсей. Граждане, прошу спокойно. Здесь идет социалистическое строительство. Дайте мне возможность запродать профессору наши установки!..

Мюд(сталкивая Кузьму на пол). Иди от меня, оппортунист! Ты за них стоишь!

Кузьма брякается на пол. В районе бьют часы.

АКТ ТРЕТИЙ. КАРТИНА ШЕСТАЯ

То же самое учреждение, но опустелое, лишенное механических устройств. Идет собрание пайщиков. Присутствуют все люди, которые были на балу кушаний, плюс еще человек десять разных личностей. Трибуна. На трибуне Щоев и Евсей. Они, как и Опорных, Годовалов, Клокотов, – в заграничных костюмах; Щоев, кроме того, в роговых очках. Евсей в пенсне. Кузьма – в заграничной жилетке, в брюках – вид совершенно человеческий. Наоборот, Стерветсен и Серена одеты теперь совсем плохо: профессор в пиджак-кацавейку желто-тифозного цвета, в ватные штаны ополченческого образца, в картуз; его дочь – в ситцевый кухарочный капот, на голове ее – уездный полушалок. К моменту начала этого действия собрание уже давно идет. Шум.

Щоев(курит сигару; задумчиво, в наставшей вдруг тишине). Никого нету. Все выдержаны, у всех внутри бушует что-то светлое, а всё – явно недостаточно. Петя, как у тебя дело с душой?

Опорных. Да всё, Игнат Никанорыч, – как-то ее? – прилично. И еще... эт-та... мне хорошо!

Щоев. А ты что полагаешь, Годовалов?

Годовалов. А я же рад, Игнат Никанорыч, я не понимаю.

Евсей. Может, девчонку Мюд отослать?

Щоев. И то, Евсей. Девчонка!! Ты как настроена?

Мюд. Я определенно против.

Щоев. Чего – против?

Мюд. Против тебя. Ты потому что сволочь, аллилуйщик, право-левый элемент, ты замучил всю местную массу, у тебя тары нету, ты гад бедного класса, ты вот что такое!.. Алеша, мне скучно здесь, я вся плачу... Идем отсюда в социализм!

Алеша. погоди, Мюд. Я еще зажгу в них энтузиазм! Или – потушу их навеки!

Мюд. Лучше потуши их навеки. А то я слышу по ночам, как гремят вдалеке молотки и колеса, и еще гвозди! У меня так тогда сердце болит, Алеша, что мы с тобой не там!.. Я хочу ударничества, Алеша, и чтоб было скучно от трудности!

Кузьма. Голосуй единогласно... Внедряй!..

Щоев. Нечего, Кузьма. Не пришли еще к мнению...

Годовалов. Игнат Никанорыч, ты Евсея Ивановича продай буржуазии – дюже дорог человек!

Евсей. Вася! Молчи, пока я тебя не переизбрал!

Первая служащая. Игнат Никанорович! Меня командируйте... Я в культэстафете была, во мне ведь давно скрывается роскошное обаяние духа – только я не говорила!.. Я безумно люблю соревнование с Европой!..

Щоев(задумчиво). Эх, женщины, женщины, отчего вы толстые снизу, а не сверху?! Евсей, думай же что-нибудь ради бога – ты видишь: я томлюсь.

Евсей. А я уже выдумал, Игнат Никанорыч! Мы Кузьму отправим!

Щоев. Как, Евсей? Он же одна идея!

Евсей. А мы же и продаем, Игнат Никанорович, одну идею! Надстройка же! Пустяк над базой! А Кузьма человек твердый, выдержанный, разумный почти что!

Мюд. Пускай, Алеша, продают. Мне Кузю ничуть не жалко. Мне жалко пятилетку в четыре года.

Серена. Папа, пусть они дадут нам Алешу! Он есть надстройка!

Мюд(бросается на Серену). Ты дурочка капитализма! Алеша всю вашу Европу расстроит – вот что!

Серена. Ах, я уже расстроена...

Щоев. Кузьма! Мы тебя отправляем в буржуазию, как груз, а ты будешь там как идеология ихней культуры!.. Ты живым-то можешь быть?

Кузьма. Не могу жить!.. Ххады...

Щоев. Что с тобой?

Кузьма. Не хочу жить, а то ошибусь... хочу остаться железным...

Щоев. Печальный элемент!

Евсей. Он боится твердость потерять, Игнат Никанорович. Боится в беспочвенный энтузиазм впасть и сползти со своих убеждений в уклон. Он – разумный элемент.

Кузьма. Боюсь скатиться с установки... Живые – рады энтузиазму и мучаются, а я сомневаюсь и покоен. Никого нету, ххады. Один товарищ Угланов Михаил Палыч!

Щоев. Он действительно разумный элемент.

Серена (указывая на Кузьму). Кто это?

Алеша. Он стал буржуазным угожденцем.

Серена. Ударник?

Алеша. По нас бьет. Мы его нарочно выдумали – для проведения воспитательной работы...

Мюд. Кузя – сволочь... Он оппортунист...

Опорных. Этта... Как-то она самая?

Один из пайщиков. Игнат Никанорыч, разрешите мне поехать разложить Европу!

Опорных. Этта... Может, Игнат Никанорыч, мы здесь только не подходящи для идеологичности, а там опомнимся?

Стерветсен. Я с приветом извиняюсь... Но если для вас такая продажа приносит дефицит...

Евсей. Верно, ученый. Нам твоя цена убыточна. Набавь какую-нибудь толику!

Стерветсен. Мы почти согласны...

Щоев. Ты правильно учел, Евсей. Пускай в набавку идет он сам. Закрепи его до конца пятилетки, как научный кадр.

Евсей. Скроется, Игнат Никанорыч!

Щоев. А мы его – вот что... Мы подписку возьмем...

Годовалов. Женить его, и больше ничего. У нас Евдокия без нагрузки ходит. Пусть он Евдокию полюбит...

Щоев. Евдокия!

Выходит из массы Евдокия.

(Указывая на Стерветсена). Можешь полюбить иностранного мужика?

Евдокия. Да то будто нет, что ли!?

Щоев(Стерветсену). Вот твоя особа, протерпи с ней года два, тогда я вас разведу. Поцелуйтесь теперь!

Евдокия первая обхватывает и целует Стерветсена.

Евсей. А как же дочка, Игнат Никанорыч? Дочка заскучает ведь!

Щоев. Сейчас... Алешка, обнимай барышню-буржуйку. Полюби ее ради общего дела.

Серена хочет приблизиться к Алеше.

Алеша (вскакивая на трибуну). Я поеду к буржуям! Во мне все время бушует идейная душа... (Стерветсену). Что вы дадите Эсесеру за нашу надстройку?

Евсей. Сколько нам заплатите наличными за производство революции?

Серена. Дирижабль, Алеша!

Алеша(счастливый). Дирижабль!!! На нем высоко взойдет пролетариат над всею бедняцкой землей!.. Я согласен сгореть в Европе за такую машину!

Стерветсен. Но я не понимаю...

Серена. Папа, Алеша меня любит...

Опорных. Как то есть ее?! Нам дирижабль в виде тары нужен! У нас кадушек нету!

Годовалов. Я б вынес мнение – купить заново гуже-транспорт.

Один из пайщиков. На что нам идея? Мы уж давно все осознали. Всемирный вопрос – пустяк.

Мюд. А я, Алеша? А я с кем останусь? Я умру от оппортунизма...

Алеша. Ничего, Мюд. Я сейчас его ликвидирую. Кузьма?

Кузьма (из гущи собрания): Э?..

Алеша. Хочешь кончиться навеки?

Кузьма. Покоя хочу. Мертвые угождают всем.

Алеша выводит Кузьму из собрания наперед. Вынимает из кармана разводной ключ, отвертку и прочие инструменты. Отвинчивает Кузьме голову и швыряет ее прочь.

Опорных. Этта... Я головку ту возьму – можно чашку для шей сделать... (Берет себе голову Кузьмы).

Алеша извлекает из груди Кузьмы примус, радиоаппаратуру и прочие немудрые предметы. Затем разымает все туловище на несколько частей – элементы Кузьмы с грохотом падают на землю и сыплются пятаки; из глубины же погибшего железного тела вырывается облако желтого дыма. На полу остается куча железного лома. Все следят за облаком рассеивающегося желтого дыма.

Мюд(глядя на дым). Алеша, это что?

Алеша. Отработанный газ. Оппортунизм.

Мюд(меланхолично). Пускай пропадает. Им дышать все равно нельзя.

Стерветсен. Я сожалею о кончине гражданина Кузьмы. Мы в Европе нуждаемся в железном духе.

Клокотов выходит с мешком и складывает туда остатки Кузьмы.

Алеша. Не скучай, ученый человек. Я из тебя тоже могу железку сделать.

Стерветсен. Я далеко не возражаю.

Щоев. Опорных! Петя!

Опорных. Я вот он, Игнат Никанорыч!

Щоев. Прими и сдай Кузьму в райутиль в счет нашего плана.

Опорных. Сычас, Игнат Никанорыч... (Бросается по служебному делу).

Щоев(Алеше). А ты что же – оппортунистов выдумываешь, товарищ дорогой? Массу хочешь испортить?

Алеша. Да я, товарищ Щоев... Я нечаянно... Я хотел героя сделать, а он сломался...

Щоев. Сломался?! Мало ли что сломался! Подавай теперь заявление, что ты осознал свою ошибку. Но заявление свое считай явно недостаточным, а себя признай классовым врагом...

Евсей. Да, да... Ишь ты какой! Герой сломался! Разве герой может сломаться?

Алеша горестно наклоняет голову.

Мюд. Не плачь, Алеша. Ты зажмурь глаза, а я поведу тебя в социализм как слепого. И мы будем опять одни с тобой петь в колхозах о пятилетке, об ударниках – обо всем, что лежит на сердце.

Алеша. Нет... Я оппортуниста сделал. У меня душа теперь печально болит.

Евсей. Заявление подай. Пиши, что чувствуешь немалую тоску.

Щоев. Осознайся, полегчает.

Один из пайщиков. Смерть предателю интересов нашей прослойки!

Первая служащая. Ах, это ужас!.. Этот неофициальный музыкант оказался примиренцем, он нашу идеологию упростил!.. Вы понимаете?

Разговор среди собрания:

- Кошмар!.. Я говорил, что интервенция будет...
- Документы! Документы проверьте!.. Хватай его за документ!
- Окружите их несокрушимым единством рядов!
- Это формальное заблуждение – он должен отречься от своего безобразия!..
- Дайте ему плюху, кто поближе!
- Он вредитель, он классовый аппарат хочет сломать!..
- Фашист! Дайте мне прорваться к нему! Дайте мне лицо классового врага!
- Ах, в нас бушует высшая ненависть! И главное – в общей груди!
- Потеха, едрена мать!
- Интересно теперь жить в учреждении! Прямо весь дрожишь от чувств!
- Членов арткружка – прошу ко мне!
- Серен, что здесь такое? Я опять в недоразумении...
- Ах, папа, здесь самотек интриги!..
- Этта... как-то ее... Алешка – ты сволочь!
- А я, знаете, все время, все время, даже когда мне аборт делали, – все время чувствовала, что у нас на службе что-то неблагополучное... Я даже доктору при операции это говорила... Я сама удивляюсь!
- Ух, люблю я эти опасности!
- Вы же милый человек. Вы на подлость только по отношению к женщине способны.
- Конечно же, не по отношению к государству!
- Учредить порочное предприятие для изменников!
- А-а, давай-давай-давай погорячей!.. Потеха, сукины сыны!
- Теперь, товарищи, нам нужно спланироваться!
- Следите друг за другом!
- Не доверяй себе никто!
- Считай себя для пользы службы вредителем!

– Карайте сами себя в выходные дни!

– Больше мученья, больше угрызений совести, больше тоски за свой класс, товарищи!

– На высокую ступень!

– Ура!..

Алеша стоит, окруженный всеобщей враждой: он тоскует и растерян. Он не знает, как ему дальше жить.

Щоев. Умолкни, стихия!..

Наступает тишина.

Достаточно будет, если человек письменно раскается в сердечном заблуждении.

Евсей. Нам важно получить от него документ по форме, и больше ничего. Согласно документа он исправится механически!

Щоев. Ты прав, Евсей! (Задумчиво). Документ!.. Сколько задумчивости в одном слове! Венчая память мыслям человечества!

Алеша. Я был единоличный талант...

Евсей. Ты дар божий, а бога нет...

Алеша. Отчего я не стал железным! Я был бы верен вам навсегда!

Евсей. Твердости нет, нежность тебя замучила.

Алеша. Вы правы кругом! А я ничто, меня больше нет на этом организованном свете.

Евсей. Дисциплинки не хватило, установочка расшаталась.

Алеша. Я думал что попало, я некультурный, у меня чувства бродили без русла, и я часто плакал даже от одной грустной музыки...

Щоев. Ты выдумывал без руководства, и твои предметы работали наоборот. Где ты раньше был – я б возглавил тебя!

Алеша. Я признаю себя ошибочником, двурушником, присмиренцем, и еще механистом... Но не верьте мне... Может быть, я есть маска классового врага! А вы думаете редко и четко, вы – умнейшие члены! А я полагал про вас что-то скучное, что вы плететесь в волне самотека, что бы бюрократическое отродье, сволочь, кулачская агентура, фашизм. Теперь я вижу, что был оппортунистом, и мне делается печально на уме...

Мюд. Алеша! Я одна теперь осталась! (Отворачивается ото всех и закрывает лицо руками).

Щоев. Ничего, Алексей, мы тебя образуем!

Серена. Папа, что здесь такое?.. Алеша, не бойтесь!

Стерветсен(Щоеву и Евсею). Я отказываюсь от сделки на эту (указывая на Алешу) психологию. Это брак, а не надлежащая надстройка. Нам полезны лишь горячие, беззаветные герои! Я отмечаю этот брак!

Евсей. Ввел ты нас в убыток, Алешка!

Алексей. Я жалкий заблужденец, а вы вожди...

Щоев. Это нам достаточно известно. Мы руководим и подытоживаем.

Мюд. Зачем ты такой, Алеша?!

Алеша. Я присмирюсь под фактом, Мюд.

Мюд. Зачем ты испугался этой гнусной прослойки? Ведь я осиротею без тебя. Я не подниму одна шарманку и не дойду по такой жаре до социализма!.. Алеша, товарищ Алеша!..

Алеша плачет. Все молчат.

Щоев. У него нежность наружу выползает. Не сберег, стервец, до будущего.

Мюд вынимает из кофты револьвер. Направляет дуло на Щоева и Евсея.

Мюд. Кончайтесь!

Евсей сразу, безмолвно и обильно плачет: все лицо покрывается текущей влагой. Щоев глядит на Евсея и Мюд с неверием.

Опорных. Этта... Евсей Иванович, разве у тебя слезы? Ты ж плакать сроду не мог!

Мюд. Кончайтесь! Вы социализм будете мучить!.. Лучше я вас замучаю!

Щоев. Сейчас, товарищ женщина. Дай бумажку – я заявление напишу, что отрекаюсь от ошибок...

Евсей (ничтожно, детским голосом). У нас чернила нету, Игнат Никанорович. Попроси гражданку девушку обождать. Мы ей расписку дадим, что согласны кончаться...

Щоев. Печального хочу. Алеша, сыграй нам марш...

Мюд. Скорее. У меня рука утомилась.

Щоев. Евсей, поддержи руку гражданке.

Евсей бросается к Мюд. Мюд стреляет в него. Евсей падает и лежит неподвижно. Мюд направляет револьвер на Щоева. Собрание инстинктивно делает шаг в сторону Мюд.

Мюд. Спокойно. У нас некогда могилы рыть!

Собрание замирает.

Щоев. От лица пайщиков выражаю благодарность товарищу женщине за смерть этого (указывает на Евсея) тайного гада...

Мюд(Щоеву). Я тебе слова не давала.

Щоев. Извиняюсь. Но разрешите мне тогда попечалиться... Алеша, отпусти мне, пожалуйста, что-нибудь из музыкального напева!

Опорных. Сейчас, Игнат Никанорович! Где она – эта, как-то ее? (Исчезает вон, появляется с шарманкой; подносит ее к Алеше). Пожалуйста – ради бога.

Евсей(лежа). Чтой-то, Игнат Никанорыч, не кончусь никак.

Щоев. А ты, Евсей, помаленьку. Ты не спеши – как-нибудь управисься. Тебе что: помирать неохота?

Евсей. Да ведь раз я гад, то приходится, Игнат Никанорыч. Глядите, только не скучайте без меня.

Щоев. Не будем, Евсей. Алеша, заведи нам что-то мотивное.

Алеша начинает тихо вертеть музыку. Музыка играет скорбящую песенку, затем несколько стихает и играет еле слышно.

Опять мне жалостно что-то! Гражданка, дай мне хоть заявление написать, что я всему сочувствую.

Евсей шумно вздыхает на полу.

Первая служащая. Евсей Иванович вздыхает.

Евсей. Предупреждаю – без меня в строительстве будет прорыв...

Опорных. Как-то его?! Убит, а сочувствует...

Мюд. Рука утомилась, сейчас стрельну.

Алеша (запевает под мотив своей музыки).

По трудной веселой дороге

Идем мы, босые, пешком...

Мюд. Другую, Алеша, другую, гад! Тебе теперь не трудно и не весело. Вот эту...

Музыка смолкает.

(Опускает револьвер и поет одна в совершенной тишине).

Кто отопрет мне двери,

Чужие птицы, звери?!

И где ты, мой товарищ,

Увы – не знаю я!

Евсей (с пола). Можно я буду твоим товарищем?.. Я ударником стану, в энтузиасты запишусь, весь век буду усердие иметь!.. Тару сорганизирую!

Собрание входит в песню и поет под шарманку:

«И где ты, мой товарищ,

Увы – не знаю я!»

Щоев(плачет сквозь роговые очки). Кончиться хочу...

Шум птиц, шум потоков воды – вдалеке, вне учреждения. Треск мотоцикла.
Вбегают агент совхоза.

Агент совхоза. Мобилизуйте мне массы поскорее! Я птиц и рыб гоню обратно в экономию!.. Вы что такое?

Щоев. Не бойся трудностей, товарищ, – гони один.

Агент совхоза. А?

Евсей. Можно, я загоню? Меня животные боятся.

Мюд. Беги...

Евсей, бодро вскочив, убегает. Агент также скрывается следом.

Опорных. Убитые еще лучше стараются. Вот это – как-то ее? – установка!

Стерветсен. Граждане района, я поражен наличием вашего духа!.. Я высоко оценил вашу проходную девушку Мюд!

Щоев. Что ж ты меня не убиваешь, девчонка?! Тварь маломощная! Мужества испугалась? (Задумчиво). Мужества!.. Люблю я свою личность за качество!.. Бей, душегубка!

Мюд. А я уже расхотела. Я перегибщицей боюсь стать.

Серена. Папа, ты не купишь теперь Алешу?

Стерветсен. Нет, он разложился, Серен...

Собрание постепенно укладывается спать на пол и на канцелярский инвентарь. Мюд берет у Алеши шарманку, с трудом несет ее на спине до двери, у двери останавливается и оглядывается на учреждение. Все люди бдительно смотрят на нее...

Алеша. До свиданья, Мюд!

Мюд. Прощай, гад-присмиренец!

Лежачее собрание поднимает руки для приветствия уходящей.

Мюд(показывает им кулак и улыбается). Эх вы, гуща низовая!.. (Открывает дверь).

Стерветсен(встает с пола и бросается к Мюд). Слушайте меня, маленькая госпожа... Разрешите приобрести вас для Европы. Надстройка – это вы!

Мюд смеется.

Но я вас прошу. Вы ум и сердце всех районов нашей земли. В вас влюбится Запад...

Мюд(серьезно). Нет. Мне любовь не нужна. Я сама люблю.

Стерветсен. Разрешите узнать – кто у вас на груди?

Мюд. Товарищ Ленин.

Собрание (почти хором). Приветствуем!

Стерветсен. Но вашему государству необходимы дирижабли, а мы можем подарить целую эскадру воздушных кораблей...

Опорных. Бери, девка!

Мюд. Не хочется что-то. Мы пока пешком будем жить.

Стерветсен(кланяясь). Чрезвычайно жаль. Мюд. Попроси у пролетариата своего района...

Стерветсен. Благодарю вас.

Мюд уходит. Тишина.

Щоев (вздыхает). Доколе, господи!..

Опорных (лежа в собрании). Эх, как-то тебя? – Игнат Никанорыч, Игнат Никанорыч... Кто ж нас утешит теперь?!

Щоев. Эх ты, Петя, Петя, печали я теперь хочу... Мне давно уж все ясно, а нынче тянет на что-то неопределенное...

Клокотов. Товарищ Щоев, давай, пожалуйста, текущие дела. Члены тоже ведь умариваются. Завтра надо рано вставать – план выполнять.

Первая служащая. Ах, нет, что вы говорите! Нам слишком интересно. Мы любим побеждать трудности.

Стерветсен(багровея лицом от злобы). Обманщики, рвачисты, аллилуйщики... самотек... У вас нет установок – это циркуляры, у вас нет надстройки – вы оппортунисты!.. Берите ваши отношения (извлекает из штанов бумаги и швыряет их в пространство), берите ваши пункты и параграфы – отдайте мне мои костюмы, мои сорочки, мои очки и принадлежности!..

Серена. Кофты, лифчики, чулки, комбинезоны!!

Стерветсен и Серена бросаются на Щоева, на Клокотова и сдирают с них свое бывшее платье.

Годовалов(первой служащей). Слухай, ты кажется иностранный напузник обменяла на копию перспективного плана?..

Первая служащая. Я... А вы у меня взяли и своей супруге отнесли – сказали, что она в тот день родилась сорок лет назад. Помните?

Клокотов. Забыл.

Щоев уже без пиджака, без жилетки и без очков. Серена управилась с него содрать эти предметы. Стерветсен тем временем раздел почти донага Клокотова. Щоев, когда его обдирают, равнодушно читает одну из бумажек, вышвырнутых Стерветсеном.

Щоев. Остановитесь, граждане, нас, оказывается, уже нету...

Всеобщее внимание. Все лежащие встают.

(Читает). «...Ваша Песчано-Овражная коопсистема с сего апреля месяца обращается к ликвидации. Заброска промтоваров, равно и хлебофуража прекращается. Основание: означенный населенный пункт сносится, ради промышленной эксплуатации подпочвы, в которой содержится газовый угар...» (К собранию). Не понимаю. Как же мы были, когда нас давно нет?..

Клокотов. Так ведь мы угаром, стало быть, дышали, Игнат Никанорович! Как же тут поймешь: сознательно ты существуешь или от угара?!

Щоев(задумчиво). Газовый угар!.. Вот она, объективная причина несознательности районного населения.

Годовалов. А что ж теперь нам-то делать, Игнат Никанорович? Ведь объективных причин, люди говорят, кету, а есть одни субъекты...

Щоев. Объектов нету, говоришь?.. Тогда организуй самобичевание, раз ты субъект.

Годовалов. Сейчас, Игнат Никанорович! (Суется).

Стук топоров. Отваливаются несколько бревен в задней (относительно зрителя) стене учреждения. В просвете работают двое рабочих. Отваливается еще часть стены. Собрание ложится вновь, кроме Стерветсена и Серены, которые стоят с отобранными кучами одежды в руках.

Один из рабочих (закладывает под верх учреждения крановые зубья и кричит). Краном! (К собранию). А нам говорили, что тут давно чистое место и никого нету... Вы нам весь путь загородили...

Верхняя часть учреждения уходит в высоту, остатки стен разваливаются. Видна пустота мира – бесконечный районный ландшафт. Пауза. Затем слышится издали шарманка: где-то играет невидимая ушедшая Мюд.

Музыка торжественна и трогает скучное чувство человека.

Мюд поет вдалеке:

«В страну далекую

Собрались пешеходы,
Ушли от родины
В неизвестную свободу,
Чужие всем –
Товарищи лишь ветру...
В груди их сердце
Бьется без ответа».

У Щоева разгорается бурчание в желудке, и он трет себе живот в надежде потушить звуки. Собрание безмолвно лежит вниз лицом. Стерветсен и Серена одиноко стоят среди ликвидированного поверженного учреждения.

Серена. Папа, что все это такое?

Стерветсен. Это надстройка души, Серен, над плачущей Европой.